

Алекс НОРК

ПОДУЕТ ВЕТЕР

ТРИЛОГИЯ

Алекс Норк
Подует ветер

«Автор»

2005

Норк А.

Подует ветер / А. Норк — «Автор», 2005

Небольшой городок американского юга и его главный полицейский внезапно сталкиваются со странным эффектом проникновения в городскую среду гремучих змей. Их никто не видит. Есть только трупы со следами нападения и ядом в крови.

© Норк А., 2005

© Автор, 2005

Содержание

Часть I.	6
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Алекс Норк

Подует ветер

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Часть I.

День шел к концу.

Точнее, наступало то прекрасное время, когда сентябрьское солнце, проваливаясь за горизонт, еще освещает все вокруг и нежно щиплет землю розовыми и золотистыми лучиками.

Конец рабочего дня, самый конец, когда не грех всерьез подумать, что будешь делать вечером.

Фрэнк Гамильтон как раз собирался определиться на этот счет, но помешал звонок дежурного по управлению:

– Господин лейтенант, прошу прощения, тут парень к нам на пополнение прибыл. Пропустить его к вам или прогнать к чертям до завтрашнего утра?

– Не надо гнать, Гарри, – узнав сотрудника по голосу, ответил Гамильтон, – пусть поднимется.

Честно говоря, он уже успел забыть об этом пополнении. Маленький город – маленькие проблемы.

На патрулировании улиц должны быть две машины с двумя полицейскими в каждой. И трое – в управлении, в резерве. Вот и вся их сменная вахта.

После того, как проводили на пенсию очередного работника, потерянную единицу попросту замещали за счет резерва. И успели к этому за четыре недели привыкнуть. Тем более что событий было совсем не много – несколько магазинных краж, да неожиданный визит десятка рокеров на грязных мотоциклах. Воришек, как обычно, найти не удалось, а рокеров, по утверждению городской газеты, начальник полицейского управления, то есть он, Фрэнк Гамильтон, самолично выгнал пинками за пределы города. Обычное журналистское вранье, конечно, никого он не пинал и не бил, но впрочем, действительно в той истории можно было вести себя и покорректней. В который раз Фрэнк подумал, что слишком подвержен провинциальным манерам, к которым привык с пеленок, прожив в этом городе от самого рождения до тридцати пяти лет.

– Можно? – в дверь просунулась черная с мелкими завитушками голова.

– Можно.

Появилась вся фигура – длинная и тонкая, с той самой головой наверху и с очень большими подвижными глазами. Новенькая форма, в руках документы курсанта-выпускника полицейской школы.

– Садитесь.

– Спасибо, сэр, я постою.

– Я сказал, садитесь.

Гамильтон просмотрел направление, потом аттестат.

– А это что за письмо?

– Это лично вам, от начальника нашего курса.

Лейтенант с некоторым удивлением взял конверт:

– Боже правый, так вас учил мой приятель по полицейской академии? А я и не знал, что он ушел на преподавательскую работу.

– Да, сэр, отличный педагог. Мы очень любили друг друга, поэтому он написал вам обо мне.

– Вы любили своего начальника? Это очень трогательно. И он вас, значит, тоже?

– Конечно, сэр.

Гамильтон начал читать и вскоре с улыбкой произнес:

– Что ж, очень приятно узнать, что у него в жизни все так хорошо складывается.

– Двое прекрасных малюток, сэр! – радостно вставил прибывший.

– Да, про малюток я прочитал. Теперь про вас, хм, вот: «Прости за такой подарок. Мозги у парня явно набекрень, но хуже всего, что он постоянно пускает их в ход».

Лейтенант коротко взглянул на сидящего напротив новичка, физиономия которого сразу приобрела крайне недоуменное выражение.

– «Глаз с него нельзя спускать ни на минуту, – продолжил он, – и по возможности не выпускать из здания полиции на улицу – оно для всех безопаснее будет».

– Там так и написано, сэр?

– Ну вот, – Гамильтон протянул ему листок, зажав в пальцах верхний краешек.

Тот несколько секунд вглядывался в текст, потом, встряхнувшись, объявил:

– Но это ведь не все! Посмотрите, сэр, чем письмо заканчивается!

– «С большим приветом, надеюсь, что посетишь нас...»

– Нет, чуть выше.

– «Впрочем, это не самый худший экземпляр из того, что в этом году у нас было»... н-да.

– Вот видите, сэр! – почти победно провозгласил новичок.

– Вижу... Жить пока будете в гостинице, тут, на соседней улице. А завтра приступите к работе.

Он нажал кнопку на пульте:

– Майкл, зайти, пожалуйста.

Почти тут же дверь отворилась и в кабинет вошел сержант, лет сорока пяти, крепкий, коренастый и абсолютно лысый.

– Это сержант Фолби, – указывая на него новичку, проговорил Гамильтон. – А это, Майкл, твой новый подопечный.

– Дик Терье, – бодро вскакивая, представился тот, – э, точнее Ричард.

– Хорошо, Ричард, – хлопая его по плечу, произнес сержант, – когда ему приступать к работе, шеф?

– Я не хочу, чтобы он зря болтался. Пусть завтра же с утра отправляется с тобой на патрулирование.

– О'кей.

На лице Дика Терье появилось новое выражение, и без того большие с беломраморными белками глаза раскрылись еще шире.

– Прошу прощения, господин лейтенант, мне в голову пришла блестящая идея!

– Только одна, Дик? – флегматично переспросил тот, одновременно приводя в порядок галстук и приглатываясь все-таки завершить сегодняшний рабочий день.

– Да! Меня ведь никто еще не знает в этом городе, так?

Оба полицейские сделали легкие кивки головами.

– Значит, я могу внедриться в местную мафию! – с жаром продолжил он. – А легенду мы можем сейчас придумать. Лучше всего – будто я освободился из тюрьмы и ишу дружков на свободе... А? Ну как?

– Неплохо, Ричард, совсем неплохо. – Гамильтон уже открыл стеной шкаф и начал надевать пиджак. – В первой части идея просто блестящая.

– Благодарю вас, сэр!

– И если заменить твою полицейскую форму на грязную рубаху и тертые джинсы, – поддакнул сержант, – насчет тюрьмы никто не усомнится. Но мафии у нас в городе нет, сынок, вот ведь беда-то.

– Нет?

Фолби удрученно замотал головой. Гамильтон тоже выдал скорбную гримасу.

– Тогда какие-то преступные группировки?

– Очень сожалею, – вполне серьезно произнес лейтенант, – но этого у нас тоже пока что нет.

– Тогда в чем же ваша главная задача, сэр?

– Главная задача? – Полицейские переглянулись, уже с трудом выдерживая серьезность на лицах. – Главная задача в том, чтобы не допускать преступлений со стороны работников полиции.

– Ну да, – подтверждаяще закивал сержант, – а какая ж еще?

Парень с ошарашенным видом посмотрел на обоих, пытаясь понять серьезность сказанного, но, нисколько в этом не преуспев, почувствовал себя расстроенным.

Гамильтон, тем временем, подошел к дверям, сделал прощальный жест рукой и вышел из кабинета. Фолби похлопал мощной лапой по плечу растерянного новичка и тоже подтолкнул его к выходу:

– Ну, что ты глаза растопырил? Пошли, и нам пора.

* * *

Лейтенант привык, не спеша, прогуливаться после работы. Вернее, эта привычка сложилась у него в последние два года, после развода, который счастливо совпал с его назначением на должность начальника полицейского управления города. Сейчас бы, впрочем, он даже признал их развод еще более удачным событием, чем скачок по служебной лестнице. Три года странной, угнетающей обоих супружеской жизни. Двух совершенно ненужных друг другу людей, простое общение которых ежедневно требовало взаимных усилий. И никаких ссор, измен – просто все время было тягостно и грустно. А когда это вдруг закончилось, она сразу уехала из города, хотя к тому не было никаких причин. Фрэнк только позже понял несомненную правоту ее поступка – надо было совсем освободиться друг от друга, знать, что можно спокойно идти по улицам и не бояться встретиться.

Он очень любил свои недолгие одинокие прогулки вечером, а в последнее время ощущал в них постоянную потребность и понимал, почему.

В конце концов, ему придется покинуть этот город. Где он родился, вырос и, кроме нескольких лет учебы в академии, провел все взрослые годы.

Жизнь глубже и сильнее привязанностей. Она бьет невидимыми крыльями и рано или поздно уносит человека в неведомое, как взрослое тело птицы уносит прочь маленькое, любящее свое гнездышко сердце. Этому бесполезно противиться. Пройдет год или немного больше, и он уедет в большой город, в стихию, уже predetermined ему жизненным законом. Потом, оттуда, память будет много раз возвращать его в такой как сегодня вечер, потому что душа всегда остается детской и просится домой.

И еще одно стало частью его неторопливых раздумий.

Энн.

Энн Тьюберг.

Их знакомство, как и все в этом городе, началось бесконечно давно.

Выпускные торжества в местной школе. Тогда единственной в городе.

Они стояли в ряд в актовом зале перед родителями и учителями, а их директор произносил последние прощальные и напутственные слова. Когда он закончил, и все зааплодировали, на сцену как горох посыпались малыши, шести-семилетняя городская поросль, которой еще предстояло осенью перешагнуть этот порог. У каждого в руках – цветы и книга. Фрэнк стоял с края, и малышня, двигаясь с другой стороны стремительным ручейком, налетала на недавние жертвы. Вот и рядом с его соседом Эдди Бартоком появился клоп и уже начал протягивать маленькие ручонки, но неожиданно остановился, и решительно перейдя к Фрэнку, протянул подарки ему. Кто-то в зале заметил этот пассаж и расхохотался. Фрэнк тоже засмеялся, а Барток, получая подарок уже от другого клопа, соорудил комичную обиженную гримасу. Потом малыши, вложив в их руки свои крошечные лапы, радостно и нестройно запели.

К счастью, только два куплета, и Фрэнк, воспитанный дома на классической музыке и не терпевший самоделок, с удовольствием поблагодарил своего крошечного патрона за краткость, а тот, приподняв стриженную пепельную головку, смотрел на него большими серыми глазами. Потом ручеек потек назад и маленькая фигурка, перед тем как скрыться, снова посмотрела на него долгим светлым взглядом.

– А между прочим, оно – девица, – тыкая в ту сторону пальцем проговорил Эдд. – Ты пользуешься успехом, старик, поздравляю.

Оно... Энн Тьюберг, двадцатипятилетняя женщина с коротко стриженными светлыми с пепельным оттенком волосами, чуть вздернутым носиком и большими серыми глазами.

В старших классах она училась далеко отсюда в колледже при известном университете, потом заканчивала сам университет, и Фрэнк увидел ее снова лишь года три назад в супермаркете, который, как и некоторые другие торговые заведения города, принадлежал ее отцу. Энн очень скоро стала управляющим этого магазина и, судя по всему, прекрасно справлялась. Злые языки утверждали, что мистер Тьюберг завалил родную дочь работой, и ей некогда вздохнуть.

Ее любили – его недолюбливали. И хотя в действительности отношения между отцом и дочерью были самыми теплыми, схожего в их характерах действительно было мало.

Тьюберг, что называется, мягким нравом не отличался. Служащие его откровенно боялись, и ездить на людях он хорошо умел. Платил неплохо, но и выгонял без церемоний, а в маленьком городе терять работу было опасно. Фрэнку, который с детства не выносил, когда обстоятельства используют против человека, Тьюберг был малосимпатичен, хотя тот всегда старался продемонстрировать ему любезность и дружеские отношения.

Энн, кажется, ни разу в жизни не вспылила и не злилась ни на кого всерьез. И очень мало интересовалась тем, что любят почти все женщины: побрякушек она не носила, косметикой не пользовалась и всем нарядам предпочитала спортивного фасона одежду.

Гамильтон увидел ее три года назад и не то чтобы сразу узнал, а почувствовал что-то очень знакомое. Они несколько секунд смотрели друг на друга, а потом она, слегка покраснев, пожала плечами и произнесла:

– Ну да, это я.

Тут Фрэнк сразу же все вспомнил: «Знаете, – ответил он, – подаренная вами книга стоит на полке и постоянно попадает на глаза, а пели вы... ну, очень безобразно».

«А мне вы тогда понравились как раз по этой причине». – Фрэнк удивленно поднял брови. – «Да-да. Я же видела, как вас от нашей песни с души воротит. Значит, душа есть, человек – душевный. А это – такая редкость в наше время».

Она всегда так шутила – серьезно без всякой улыбки, глядя в упор большими серыми глазами.

Года два они обменивались приветствиями и короткими разговорами и только в последнее время стали иногда встречаться, посещая вечером ресторанчики или кафе. И Фрэнку очень нравилось, что в их нерегулярных встречах не было ничего обязательного, и нравилось даже, что вниманием Энн пытаются завладеть другие, хотя ухлестывания Эдди Бартока, как и все его поведение, вызывало легкую брезгливость. Эдд, конечно, неисправимая скотина, и, видимо, это врожденное свойство, сколько Фрэнк помнил Бартока с ранних детских лет.

Двигаясь к центру города, он мог спокойно поразмыслить – зайти или нет за Энн, чтобы провести с ней вечер. Или поужинать одному у телевизора, а потом часа два спокойно почитать или послушать музыку. В последнее время он стал совмещать эти два занятия – возраст напоминал о себе – тридцать пять лет – время зрелости, а что он успел узнать об этом мире? Почти ничего.

Фрэнк вспомнил вдруг, что ведь сегодня среда – день, когда он звонит маме и сестре за две тысячи миль отсюда. И оба его маленьких племянника желают непременно с ним погово-

ритель, поэтому мама всегда намекает, что лучше бы звонить пораньше. Вот сегодня он точно не опоздает.

Через несколько минут Гамильтон подошел к углу своей улицы и уже хотел повернуть, но какая-то странная фигура преградила ему дорогу. Он сделал шаг в сторону, чтобы разойтись, и услышал негромкий голос:

– Простите, сэр, вы ведь Фрэнк... Фрэнк Гамильтон, правда?

– Святая правда, – он окинул взглядом худощавого, чуть выше среднего роста незнакомца: – Мне надо перекреститься?

– Я, может быть, зря тебя побеспокоил Фрэнк... просто шел мимо... и сразу тебя узнал, а меня ты, наверное, не помнишь? Конечно, столько ведь времени прошло.

Кажется что-то знакомое в голосе.

Гамильтон взглянул в лицо – длинное, скуластое. Короткая стрижка, выпуклый лоб. Большой тонкогубый рот с грустным полуулыбчивым выражением, и то же выражение в глазах.

– Гильберт?! Господи, Гильберт! Это ты! – Гамильтон схватил его большие чуть влажные руки.

– Фрэнк, ты меня узнал... я рад, я тут совсем недавно... ходил по улицам...

– Очень рад тебя видеть, Гильберт!

– Спасибо, Фрэнк.

– Слушай, давай зайдём ко мне, поговорим обо всем.

– Нет, Фрэнк, спасибо, мне неловко тебя затруднять.

– Да ну, прекрати! А впрочем, мы можем вместе поужинать. Идет? Я только заскочу домой и переоденусь. Подождешь меня десять минут?

– Да, Фрэнк, я подожду пока этим воздухом, я от него совсем отвык.

Гамильтон почти уложился в обещанные десять минут. И успел переговорить со своими: «Знаешь, мама, я только что встретил Гильберта, помнишь его?» – «Конечно помню, – ответила она, – это тот мальчик, над которым вы, поросята, все время издевались в школе, а его несчастная мама... Ты знаешь, Фрэнк, такого бы никогда не случилось в крупном городе». – Она давно считала, что сыну нечего здесь делать и конечно мечтала, чтобы он перевелся к ним на север.

Когда Фрэнк выскочил на улицу, Гильберт по-прежнему стоял там на углу, глядя в его сторону.

Не видя еще лица, Фрэнк сразу почувствовал то давнее детское выражение его небольших карих глаз: Гильберт всегда опускал голову и смотрел слегка исподлобья, в глаза, с одним и тем же выражением ожидания. Хорошего или плохого. Его взгляд предлагал дружбу и ждал ответного тепла, но вместе с тем в нем всегда сквозили сомнения и готовность к грубостям и обиде.

Если вспомнить академические лекции по психологии, Гильберт несомненно относился к разряду «жертв». И это хорошо ощущали другие, тем более дети, чем в школе и пользовались.

Многие – шутя, незлобно, и Гильберт не обижался. Но некоторые, и первым среди них был Барток, получали от травли товарища искреннее удовольствие.

– Фрэнк, я, наверное, выбил тебя из привычной колеи, ей-богу, мне неловко.

– Да ниоткуда ты меня не выбил, я рад тебя видеть! Знаешь, давай поужинаем в пивном ресторане, тут неподалеку. Ты, может быть, помнишь пивной бар Коули?

– Да.

– Теперь это ресторан, с официантами и превосходной кухней.

– И Коули по-прежнему там?

– Да, крепкий старик, ну, пошли.

* * *

Пивной ресторан был одним из самых популярных заведений города. Рестораном он стал лет восемь назад, а до этого представлял собой большой крепкий бар, принадлежавший старику Коули. Стариком его звали всегда.

Вряд ли кто-нибудь задумывался, сколько Коули лет, но то, что за семьдесят – точно. Могло быть и много больше. Фрэнк с детских лет помнил его уже очень немолодым человеком, хотя и тогда, и сейчас в нем было столько здоровья и сил, что, как говаривал сержант Фолби, «и палкой его не убьешь». Крепкий, почти квадратный, стриженный всегда под короткую скобку с ненужным седоватым чубчиком, и с постоянным медно-коричневым оттенком толстой и гладкой кожи. С серыми подвижными глазками на широкой физиономии. Судя по всему, Коули до сих пор продолжал пользоваться собственными зубами и в услугах дантиста нуждался мало.

Вкалывал он зверски, и жену имел подстать. Экономил на всем, и в первую очередь на прислуге. Лишних не брали. Взваливали работу на себя. И хотя теперь он добился многого – в зале обслуживали официанты и на кухне трудился опытный персонал – Коули и его жена с утра до ночи были тут же и не бездельничали ни минуты. Детей у них не было, и зачем на старости лет так убиваться, наращивая и без того изрядный капитал, многие в городе не понимали.

Внутри ресторан был отделан деревом и очень своеобразно сочетал темные, почти черные столы и стулья со светлой отделкой стен. Вместе получалось и легко, и торжественно.

Когда они вошли, из-за нескольких столиков Гамильтона поприветствовали знакомые, а еще через несколько секунд сам Коули спешил к ним навстречу со свойственным ему видом занятого, но дружелюбного хозяина, и Фрэнк вдруг подумал, что, кроме этого гостеприимного выражения, он, пожалуй, никогда не видел улыбки на его лице.

– Вы уже больше недели не были у нас, Фрэнк! Вот тут, я думаю, вам будет всего удобней, присаживайтесь, пожалуйста. Это ваш приятель? Рад приветствовать! – Он повернулся к Гильберту, а тот посмотрел на него с полуулыбкой, с чуть опущенной головой. Все как в детстве.

– Вы не узнаете его, мистер Коули? Это же Гильберт Хьюз.

– А!.. Рад приветствовать, рад приветствовать!

Трудно было понять за этими радушными восклицаниями, вспомнил ли Коули нового гостя или нет.

Он сам принял у них заказ, предварив его энергичными советами – что лучше взять и почему.

– Да-а, ресторан отменный, – проговорил Гильберт, медленно обводя помещение взглядом. – Знаешь, когда-то мама, потеряв работу, пыталась устроиться сюда посудомойкой. Тогда здесь был еще только бар... А почему ты стал полицейским, Фрэнк? Ты ведь хотел изучать литературу, европейское средневековье, кажется.

– Сначала я так и сделал, – Гамильтон замолчал, и тень мелькнула в его глазах, – и даже проучился первый курс в Бостоне. Потом какие-то ублюдки убили нашего преподавателя. Абсолютно безобидного пожилого человека. Прямо на улице, вечером. И я вдруг понял, что не смогу заниматься высокими чувствами, материями прошлых веков, когда в этом времени возможны такие мерзости.

– Ты хорошо его знал? Он был твоим любимым педагогом?

– Нет. Просто вел у нас одну из учебных дисциплин.

– Ты молодец, Фрэнк, – Гильберт опустил голову и задумчиво провел рукой по светло-коричневой скатерти. – В тебе всегда было что-то благородное. Помнишь, ты пытался защищать меня? – Он улыбнулся и чуть поднял на него глаза, все также – из-под слегка опущенного лба.

Официант с резным деревянным подносом в руках начал проворно расставлять большие бокалы и тарелки с закусками.

– Ну, а ты? Чем ты занимаешься?

– Биологией. Ну это, так сказать, в самых общих чертах. А точнее – биохимией клеточных структур, нейрофизиологией. Работал в биологическом центре в Хьюстоне, а последние два года занимался исследованиями с японцами, в Токийском университете.

– Так значит, у тебя складывается прекрасная научная карьера?

Хьюз неопределенно пожал в ответ плечами:

– Я как-то об этом не очень думаю, кое-что получается, конечно. Но, знаешь, чем глубже я проникаю в маленький, в микроскопический живой мир, тем больше меня беспокоит одна особенная мысль... и даже угнетает... Но, может быть, тебе это не интересно, Фрэнк? – Он вдруг встрепенулся и растерянно посмотрел на Гамильтона, опасаясь совершить нелепость.

– Продолжай, пожалуйста, и давай хлебнем пивка.

Пиво было великолепным, щекоотало горло пузырьками чуть горьковатой влаги, вобравшей в себя все желто-зеленое здоровье земли и солнца.

Хьюз молча покрутил в руках полупустой бокал, любуясь пенистой желтизной напитка, сделал еще глоток и заговорил уже более спокойно и уверенно.

– Понимаешь, в этом крошечном мире клеток, молекул – бесконечное богатство жизни. Я не могу привыкнуть к тому, как он разнообразен, умен и сложен. Перед наукой только еще раскрываются его глубины. И в то же время, это всего лишь часть человека – кусочки его плоти. А что же сам человек? В чем его собственная глубина и величие? Нет, я не говорю об отдельных талантах, гениях. Я об обычных людях...

Теперь Хьюз смотрел по-другому – искренно и удивленно; смотрел на Фрэнка, но говорил так, как будто именно от себя ожидал ответа.

– Внутри человека все служит друг другу, оказывает помощь, а не враждует. И я все время мучаюсь вопросом – почему из маленьких прекрасных частей складывается тупое, грубое и злое? Нелепость! И иногда это выводит меня из строя, Фрэнк. Зачем работать, открывать новое, когда человек остается тем же, чем был.

– По-моему, ты и прав, и не прав, Гильберт. Я тоже много думал о таких вещах, хотя и приходил к ним с иной стороны. Природа состоит из двух половин – плохой и хорошей. Это старая истина. И люди тоже – одни стремятся вверх, других тянет вниз, а у многих две эти силы уравновешены, и их никуда не тянет. Поэтому для нас, людей образованных и сильных, одна задача – подниматься самим и другим помогать это делать.

– И убирать с дороги зло?

– Конечно. Мы для этого рождены – эта наша обязанность, судьба, если хочешь.

Подошедший официант быстро заменил пустые бокалы на полные.

– Знаешь, Фрэнк, – Хьюз снова опустил голову и начал водить пальцем по скатерти, – знаешь, когда я много лет назад уезжал из этого города, я думал, что вернусь сюда лишь чтобы постоять на могиле матери и тут же уехать снова. – Он еще ниже опустил голову. – А потом решил – нет, поживу в старом доме, может быть, встречу тебя... других мне встречать не хотелось.

Он вскинул голову и, неожиданно весело посмотрев на Гамильтона, поднял бокал.

* * *

Ресторан закрывался к половине первого ночи, и это было торжественное время для Коули, почти святое. Весь день и вечер он крутился волчком, за всем следил и приглядывал, бесчисленное множество раз мотался из кухни в зал, не забывая при этом заботливо поговорить с каждым знакомым гостем, а таких обычно бывало не меньше половины. К концу вечера

требовалось понять, понравилось ли новое блюдо или новая закуска и сделать до двенадцати звонки поставщикам с заказами на завтра, чтобы было все нужное и не было лишнего. Господи, сколько денег можно выбросить зря, если не следить вот так за каждой мелочью. И за весь день и длинный вечер он перекусывал изредка, мимоходом.

Только теперь наступало его время – короткое и счастливое.

Он шел на кухню, где персонал заканчивал свою работу, не спеша осматривал противни, жаровни, ванночки для приготовления салатов и приправ и накладывал себе то, что хотел. Заглядывал в оставшиеся банки с деликатесами.

Здесь был своего рода маленький спортивный азарт. Он никогда не позволил бы себе открыть новую банку для личного удовольствия. Товар для клиентов – его капитал. А вот найти что-нибудь повкуснее из консервных остатков было занятием весьма притягательным. И что-то всегда находилось. Вот и сейчас он извлек из глубин высокой жестянки отменный кусок постного копченого канадского лосося, а из фигурной стеклянной банки – кучку фаршированных чесноком испанских маслин. Вскоре к этому добавился и желто-золотистый ломтик заливной осетрины с лимоном. Ну что ж, неплохо на закуску... если прибавить сюда швейцарского сыра.

Коули в глубине души считал, что хорошая пища может быть собрана вместе и употреблена без всякой последовательности и разбора, хотя никогда не сообщал об этом вслух.

Теперь предстояло подобрать основное блюдо, и он заколебался между говядиной с густым соусом из грибов и каперсов и фирменным производением его ресторана – ломтиками жирной свинины, тушеной с баклажанами, помидорами и луком. Весь фокус был в том, что в качестве кипящей основы для овощей и мяса использовали мелко порезанный, настоящий на легком вине чернослив. От этой особенной пропитки незамысловатая на первый взгляд еда приобретала незабываемый и никогда не приедавшийся вкус, очень нравившийся завсегдатаям его ресторана. Вот и он сейчас решился на этот выбор и, поставив тарелки на поднос, направился в зал.

Там он сел за один из столиков переднего ряда, и заканчивавший работу бармен приносил ему два высоких бокала пива. Датского. С плотной и пушистой, как взбитые сливки, пеной.

Миссис Коули всегда не одобряла такой обильный ужин на сон грядущий.

– Когда-нибудь это плохо кончится, вот посмотришь, – частенько говаривала она.

– Когда-нибудь обязательно кончится, – бодро соглашался супруг и с аппетитом наворачивал.

Сегодня жена присела на соседний стул и довольно проговорила:

– Может быть это случайность, но в последние дни посетителей стало больше, зал каждый раз почти полон.

– Да, – подтвердил Коули, – и это очень заметно по выручке. – Он отхлебнул из бокала и продолжил. – Знаешь, кого сегодня привел с собой Гамильтон? Хьюза, того мальчишку, чья мать повесилась лет двадцать назад. Помнишь?

– Конечно, помню. – Приятное выражение на лице старой женщины сменилось на беспокойное. – Она ведь незадолго до этого приходила к нам просить работу. – Миссис Коули посмотрела в пол и, помолчав слегка, пошевелила седой головой. – У нас тогда было место... может быть, стоило пойти ей навстречу...

У Коули от возмущения вилка с куском свинины застыла в воздухе.

– Ты понимаешь, что говоришь, а?! Ты понимаешь?! Пустить сюда распутную женщину, которую весь город считал позором? Да мы бы всегда были маленьким задрипанным заведением, куда никто бы не заходил кроме пьянчуг и случайных проезжих!

– Конечно, – кротко согласилась жена и добавила: – Она плохо поступила, связавшись с этим мексиканцем.

– С грязным поденщиком, оборванцем! Только самая последняя шлюха могла поселить у себя такую шваль!

– О, прошу тебя, не горячись и не говори таких слов.

– Шлюха!.. И я никогда не скрывал того, что об этом думал, – уже более спокойно добавил Коули, возвращаясь к еде. – А знаешь, из мальчишки вышел толк. Кто б мог подумать, он стал ученым, в разных странах побывал. – Коули отпил из бокала и сообщил уже совсем довольным голосом: – Ему наш ресторан очень понравился. Он даже попросил меня расписаться на нашей фирменной салфетке – говорит, что коллекционирует салфетки всех первоклассных ресторанов. Вот так-то!

* * *

Вечер совсем отгеснил сумерки, но на безлюдной зеленой улице с симпатичными особнячками было светло от окон и фонарей, отблески которых достигали газонов и цветочных кустов перед домами. Люди в домах отужинали или еще сидели за столами, кто-то был в городе, в кино, у друзей, как в доме с потухшими окнами, к которому вприпрыжку шла небольшая девочка, возвращаясь домой с музыкальных уроков. Размахивая скрипичным футляром, она весело и чуть карикатурно напевала что-то из той немецкой классики, которой ее только что усердно пичкали.

Поравнявшись с неосвещенным особняком, она толкнула небольшую калитку и, продолжая напевать, направилась по дорожке к крыльцу. На середине девочка внезапно остановилась и посмотрела в сторону на газон с высокими в человеческий рост кустами чайной розы.

– Ой, здра-сьте, кто к нам пожаловал, – растягивая слова, произнесла она, потом положила на землю скрипку и подбежала к кустам. – Ну-ка, ну-ка, – она скрылась за кустами. – Ай!!.. Что это?! – Она тут же стремительно выскочила, отбежала к дорожке и удивленно посмотрела на руку. – Зачем... как больно... ой!

Девочка растерянно поглядела вокруг, в надежде на помощь, но дом смотрел на нее темными глазами.

И что-то страшное вместе с болью зашевелилось внутри у ребенка. Из глаз вдруг ручейками побежали слезы.

– Мама... мамочка... – жалобно позвала она в пустоту и заспешила на непослушных ногах к дому. Но у крыльца ее качнуло, и потеряв направление ребенок остановился. Тут же качнуло сильнее, повело в сторону и бросило на землю. Маленькое тело попробовало приподняться, дернулось сбоку набок... дернулось еще и через несколько секунд застыло. Дом смотрел на это равнодушными черными окнами, на улице не было ни машин, ни прохожих, и странные розовые кусты не шелохнули ни одним своим листочком.

* * *

Поначалу, вернувшись домой, Гамильтон находился в отличном настроении. Они прекрасно посидели, все было на классном уровне, и Гильберта так хорошо было видеть после стольких лет.

Хотя такие встречи наводят и легкую грусть, потому что прикасаешься к далекому прошлому, как ко вчерашнему дню. Двадцать лет миновали, а он сейчас помнит все так пронзительно ясно, что страшно то делается. Это уже не память, а ощущения. Непосредственные и неотличимые от тех, что были тогда.

Как будто он еще сегодня утром отправился в школу, а вот сейчас, вечером, присев на край стула, думает о том, что нужно сделать завтра.

Что часть предметов можно не учить – его недавно спрашивали по ним и завтра наверняка не спросят... Что надо побольше работать на баскетбольных тренировках, с такой техникой, как сейчас, ему не удержаться в основном составе и могут посадить на лавочку для запасных... На ночь не забыть выучить очередную порцию в двадцать французских слов... потом мама просила его, наконец, постричься... и, черт возьми, надо как-то прекращать это безобразное издевательство над Гильбертом. Это уже хамство, а не шутки. И скотина Барток заводит всех остальных. Неделю назад, когда Фрэнк попробовал с ним мирно по-приятельски поговорить, тот посмотрел на него зло и нагло и заявил, чтобы Фрэнк не лез куда не надо, не то хуже будет. Фрэнк не стерпел такой угрозы, и если бы их сразу не растащили... Нет, так ничего не добьешься – Барток выше на целую голову и сильнее...

Зазвонил телефон, но Гамильтон не сразу его услышал, только третий сигнал вывел его из оцепенения.

– Вы еще не спите, шеф? – говорил сержант Фолби. – Тут одна очень скверная история.

– Что именно?

– Погибла девочка, подозрение на змеиный укус. Дочь Уолтера, директора нашего городского госпиталя.

– Как это случилось?!

– Они с женой были в гостях, а девочка возвращалась с музыкальных уроков. Ну, и в саду на их участке... укус в руку.

– Нужно срочно поднять всех полицейских и прочесать окрестности, предупредить жителей вокруг.

– Прошу прощения, шеф, но я уже отдал такой приказ.

– Спасибо, Майкл, молодец. – Гамильтон на секунду задумался. – Знаешь что, если в ближайший час поиск ничего не даст, надо его прекратить и сделать новую попытку утром, тем более, жители предупреждены, и ночью змея не опасна.

– Хорошо, шеф, я понял. Черт побери, ведь ни одна змея не заползала в город за много лет! Говорят, их и в пустыне-то осталось мало. К тому же ей надо переползти автостраду – чего ее понесло?

– Не знаю, Майкл, в природе всякое бывает. Труп девочки отправили на экспертизу?

– Да, в госпиталь, в патанатомическое отделение. Но сцена была ужасная, миссис Уолтер, она не хотела отдать нам тело, пока муж не затолкал ей в рот какие-то сильные таблетки... несчастные люди!

Гамильтон хорошо знал эту семью. Мэри Уолтер была тремя годами младше него и училась вместе с его сестрой. Теперь он вспомнил, что сестра крестила девочку, а он сам недавно заезжал к ним в дом по какому-то делу к Биллу и разговаривал о музыке с десятилетней Джейн. Веселый талантливый ребенок, и так вот... Ему самому страшно об этом думать, а что же сейчас чувствуют несчастные родители – Мэри, Билл?

Завтра придется звонить и рассказывать о случившемся маме и сестре...

Чтобы хоть как-то сбросить с себя комок ужасных мыслей, он набрал телефон госпиталя, представился и попросил связать его с дежурным патанатомом. Пришлось несколько минут подождать. Потом голос на другом конце назвался и заговорил:

– Я только что закончил экспертизу, завтра утром мы доставим официальное заключение к вам в управление, но сомнений нет – это укус гремучей змеи. Осенью их яд особенно интенсивен, к тому же укус пришелся прямо на несколько крупных сосудов, так что потеря сознания должна была произойти секунд через восемь-десять, и почти тут же – смерть.

* * *

Сержант Фолби заехал за ним в восемь утра. Тут же на переднем сиденье расположился Дик Терье.

Гамильтон хмуро поздоровался, готовясь к неприятной процедуре – надо было прибыть на место происшествия, где по всей форме составят протокол о случившемся, и не явиться при таких обстоятельствах лично самому было бы просто непристойно.

Фолби протянул ему стопку сделанных при ночном осмотре фотографий. Девочку к тому моменту унесли в дом, но место, где она лежала, было обведено меловым контуром. На других снимках в стороне от дорожки к дому виднелись освещенные фотовспышкой следы на влажной темной травянистой почве. Отдельно был зафиксирован оставленный на дорожке футляр со скрипкой... Гамильтон некоторое время внимательно разглядывал снимки, и что-то в них ему не понравилось.

– Змею, конечно, не нашли, – пробурчал он и, не получив ответа, вспльчиво проговорил: – Я спрашиваю, обнаружили змею или нет?! – Раздражение, конечно, не было уместным.

– Никак нет, сэр, – умышленно выделяя каждое слово, проговорил сержант, – змею обнаружить пока не удалось.

– Пока не удалось, сэр, – подтвердил Терье, хотя его-то никто не спрашивал.

– Ну ладно, – сказал примирительно Гамильтон, – это ведь мне, а не вам сейчас с родителями разговаривать.

Они все трое вышли из машины, и лейтенант, нажав кнопку звонка у калитки, тут же толкнул ее и пошел по дорожке внутрь.

Входная дверь открылась и на пороге появился Билл Уолтер. Он был в черном траурном костюме, как будто похороны уже начинались.

– Если вам не нужно больше тело для экспертизы, Фрэнк, – заговорил он сразу, – я хотел бы похоронить Джейн сегодня, во второй половине дня. Жену приходится держать под сильными подавляющими психику препаратами, долго этого делать нельзя, а в нормальном состоянии она не выдержит всю эту процедуру похорон.

– Конечно, Билл. Заключение у нас уже имеется. Как Мэри?

– Через каждые полтора часа спрашивает: «Джейн мертва?». Я говорю: «Да, мертва» и заставляю ее выпить новую таблетку. Я заказал катафалк на четыре часа...

Гамильтон кивнул головой и сжал его руку:

– С нашей стороны не будет никаких задержек, Билл, но я вынужден еще попросить вас подписать протокол.

– Да, я понимаю.

– И будьте любезны показать нам футляр от скрипки, – раздался вдруг сзади высокий голос Терье и Гамильтон резко повернул голову. – Футляр, сэр, – извинительно сверкая белками, повторил Терье.

Судя по выражению лица сержанта Фолби, тот уже вознамерился дать новичку затычину, но тут же схожая мысль заставила Гамильтона повернуться к Уолтеру:

– Да, Билл, если нетрудно, вынесите нам футляр на минуту.

– Хорошо, я сейчас, раз нужно...

Гамильтон услышал, как Фолби сзади удивленно крикнул.

Еще через минуту Уолтер вышел с черным кожаным футляром в руках и протянул его Фрэнку. Тут же из-за его плеча попробовала высунуться черная физиономия Дика, но тяжелая лапа сержанта убрала ее назад.

Лейтенант внимательно осмотрел футляр... очень внимательно... Новенькая кожа, абсолютно ровная, нигде ни царапины.

– Спасибо, Билл. Сержант, покажите, пожалуйста, где надо расписаться господину Уолтеру.

Пока Фолби вынимал протокольный бланк, а Уолтер расписывался, он еще раз проглядел фотографии, отметил расстояние от дорожки до ближайших розовых кустов и то место, где потом упала несчастная Джейн: Снова не все получалось, но теперь уже было понятнее – что.

* * *

– Ты проявил проницательность, Дик, – похвалил его Гамильтон, садясь в машину, – если бы девочка столкнулась со змеей на дорожке или случайно на газоне, она бы конечно стала защищаться футляром и на нем остались бы следы.

– Странно получается, – проговорил Фолби, запуская мотор, – значит, Джейн не уронила футляр, а положила на дорожку и пошла к кустам. Спрашивается – зачем?

– А, может быть, она из тех, кто не боится змей? – затараторил Терье. – Я знал таких людей, которые любят всяких пресмыкающихся, пауков...

– Э, нет, сынок, – прервал его сержант, – здесь не то место. Рядом пустыня, и каждому ребенку еще с малых лет внушают, что змея – это смерть, и никто с ней тут в салочки играть не станет. – Он полуобернул голову к заднему сиденью. – Что будем делать по поиску этой гадины, шеф?

– Продолжать поиск силами полиции мы не можем, – ответил Гамильтон. – Пусть люди сами проявляют бдительность, мы сделали необходимые объявления по радио и в школах.

– Да, к тому же Барток раструбит об этом в своей газете на всю Америку.

– А кто такой Барток, прошу извинения? – поинтересовался Терье.

– Главный редактор городской газеты, – ответил Фолби, – и если бы он не был приятелем нашего начальника, я бы добавил, что это порядочный сукин сын.

– Хм! – раздалось с заднего сиденья, что, видимо, значило: «совсем-то наглеть – не нужно».

* * *

В управлении Гамильтону пришлось несколько часов заниматься мелкой текучкой: под утро в городе была зарегистрирована попытка угона автомобиля, вдобавок, из столицы штата сообщили, что по их маршруту могут передвигаться два вооруженных преступника «в розыске», и Гамильтон инструктировал полицейский состав. Потом разбирались с задержанным ночью торговцем наркотиков – мелкой сошкой. Целый час был потрачен на безуспешные попытки вытряхнуть из него информацию о каналах доставки этого зелья в город. Торговец не кололся, прикидывался дурачком, и лейтенант довольно скоро почувствовал раздражение и злость, хотя и не рассчитывал здесь на быструю победу. Всему виной было это ужасное утро и похороны в четыре часа, к которым нужно успеть переодеться, заехать за венком... Он все не мог придумать подобающей надписи на венках от себя, сестры и мамы... Потом позвонил в похоронное бюро и продиктовал что-то совсем простое.

* * *

Людей на похоронах было очень много: почти все сотрудники госпиталя, которым управлял Уолтер, школьные товарищи Джейн – многие с родителями, учителя, друзья, соседи.

Фрэнк, дождавшись своей очереди, подошел, поставил в общий ряд венки и сжал холодные неподвижные руки Мэри.

– Спасибо, Фрэнк, – еле слышно проговорила она.

Бледное отечное лицо, потерявшее возраст и всякое выражение жизни – та девочка, которая приходила на дни рождения его сестры, радовалась, смеялась, и которой, кажется, так недавно было столько же лет, сколько Джейн. Уолтер поддерживал жену за плечи и только кивал проходившим в траурной шеренге людям.

Потом маленький коричневый гроб с серебряной окантовкой медленно поехал вниз и, кажется, он уходил вглубь земли, в другой мир, и человеческие глаза хватали эти последние мгновения.

После похорон Гамильтон пошел не к выходу вместе со всеми, а по кладбищу вдоль могил. Хоть город был небольшим, историю он имел давнюю, почти трехсотлетнюю. И вся она была здесь.

Странно, но это стирало остроту отдельной боли за потерянную человеческую жизнь – сотни имен, далеких и близких дат, удавшихся, неудачных, а порой и несчастливых судеб.

С одним и тем же концом.

Всегда непонятым людям.

И боль одной утраты растворялась в общей печали всей человеческой жизни. Вблизи надгробий.

Гамильтон уже минут десять медленно шел без всякого направления, огибая могильные памятники, иногда прочитывая надписи на них. Неожиданно впереди среди могил он увидел человека и тут же узнал его. Это был Гильберт. Он возился, согнувшись, у памятника и обернулся на звук шагов.

– Фрэнк?.. Здравствуй... Ты в траурном костюме... наверно, умер кто-то из знакомых?

– Да, – Гамильтон хотел рассказать, но увидел надпись на надгробии: «Маргарит Хьюз». И дата – ровно двадцать лет назад. Тут же лежал букет цветов, видимо, только что положенный Гильбертом.

– Посмотри. – Он показал на выбитое с рваными краями углубление в камне в том месте, где вверху обычно располагается позолоченный крест, а теперь сохранился только след от его окончания. – Видишь, это дело рук человеческих. Кому-то мама мешала и после смерти. Не поленились прийти сюда и изуродовать могилу. Наверно, это сделали настоящие христиане, а? И знаешь, я не стану ничего поправлять. Пусть так и будет, как им хочется.

Гамильтона передернуло от злобы:

– Морды бы разбить этим мерзавцам!

Он расстегнул ворот рубахи и расслабил галстук.

Опять эти двадцать лет – как один день.

Он хотел тогда пойти на похороны. И пошел. Но когда повернул за угол на улицу, где жили Хьюзы, увидел уже тронувшуюся похоронную процессию. Катафалк и Гильберт.

Один Гильберт шел за ним.

По пустой улице. В дешевом черном слишком длинном для него пиджаке. И Фрэнк замер, глядя издали в его спину. Он должен был догнать и пойти рядом. Он знал, что был должен... От каких-то небольших поступков зависит вся жизнь, и человек становится или не становится, чем должен.

– Душно что-то, – сказал Гамильтон, снимая пиджак. – Ты долго собираешься здесь оставаться?

– Нет, я уже хотел идти. А кого хоронили?

– Дочку моих знакомых. Ее укусила змея.

– Настоящая змея, Фрэнк?! Ее поймали?

– Нет. Наверно уползла назад в пустыню.

– Когда это случилось?

– Вчера, когда мы сидели с тобой в ресторане.

– Боже мой! – Гильберт сел на каменный бордюр и закрыл голову руками. – Боже, какая нелепость. Несчастный неповинный ребенок. Как все чудовищно и дико в этом мире, Фрэнк! – Он резко встал и посмотрел на Гамильтона влажными, полными боли глазами.

Неправда, что глаза умеют говорить – они умеют и кричать – странным беззвучным криком.

– Успокойся, пожалуйста, – Гамильтон сделал шаг и положил руку на угловатое плечо Хьюза, – никогда нельзя предаваться отчаянию.

Тот опустил голову, а потом медленно покачал ею из стороны в сторону.

– Ты не прав, Фрэнк, – произнес он почти спокойно и снова повел головой, – ты не прав... Отчаяние одно из чувств, данных людям природой, и мы не можем его отвергать. – Он вдруг поднял голову и посмотрел открыто и ясно. – Нельзя принимать мир – каким есть. Он гадок настолько, насколько мы сами ему это позволяем. – И Фрэнк вдруг почувствовал силу в его худом неуклюжем теле.

* * *

Как ни печален был этот уже клонящийся к вечеру день, но Гамильтону все-таки нужно было вернуться в управление и довести до конца разные дневные мелочи. Около часа он потратил на просмотр сводок и отчетов, потом снова возился с торговцем наркотиками. Обыск в доме у того не дал никаких результатов, и допрос снова ни к чему не привел.

Два раза он разговаривал с полицейским управлением штата, где настаивали на тщательном патрулировании автострады, потому что разыскиваемые преступники до сих пор не были пойманы и мотались где-то неподалеку.

Под конец заявился Терье.

– Я только что с патрулирования автострады, – бодро объявил он.

– Это достаточно отметить у дежурного, – недружелюбно ответил уставший Гамильтон.

– Я так и сделал, сэр.

После этого сообщения Терье замолчал и, улыбаясь одними блестящими белками, уставился на лейтенанта.

– А-а, – подождав немного, протянул тот, – так значит, ты просто зашел вечером поболтать к начальнику?

– Не совсем, сэр, я хотел доложить об одном наблюдении.

Гамильтон как раз подумал, что придется сегодня звонить маме и рассказывать о бедной Джейн... Впрочем, можно было отложить это и на завтра, там у них уже ведь поздновато, а ему сегодня необходимо зайти за покупками, в доме нечего есть.

– Очень странная машина, сэр.

– Что?

– Очень странный автомобиль шел по нашей автостраде.

– Он имел какое-то отношение к скрывшимся преступникам? – насторожился Гамильтон.

– Нет, никакого. И человек, который там сидел, не имел ни с одним из них ни малейшего сходства. Но сам автомобиль, сэр.

– Что с ним, Дик, я плохо пока понимаю?

– Он был на манер скорой помощи. Такой высокий фургончик с небольшими затемненными окнами. Но главное – внутри: широкий длинный стол, сэр, отполированный, почти зеркальный.

– Ну и что там было, на этом столе?

– Совершенно ничего, а на полочках вдоль стен несколько странных предметов, вроде медицинских принадлежностей. Еще на полу валялся целлофановый пакет с продуктами с эмблемой нашего супермаркета.

– Так машина из нашего города? – уже машинально спросил лейтенант, чувствуя сильное желание поскорей отправиться домой и как раз зайти в этот самый супермаркет, потому что с самого утра он ничего не ел.

– Нет, сэр, машина из другого штата, номер я конечно записал. И знаете, водитель так неохотно открыл салон, когда я этого потребовал, так неприятно на меня взглянул...

– Дик, – Гамильтон встал из-за стола, – я не имею права говорить подчиненным грубости, но почему ты все-таки решил, что глядеть на тебя приятно каждому? И если ты меня отпустишь, я бы прямо сейчас пошел и чего-нибудь съел. Можно?

– Конечно, сэр. Идите.

– Спасибо, Дик. – На лице лейтенанта изобразилось благодарное чувство. – Редкая мне перепала удача – иметь таких добрых сотрудников!

* * *

Контора супермаркета находилась в том же здании, в его задней боковой части. Войти туда можно было и из торгового зала, и с улицы.

Конторские служащие уже заканчивали работу, когда Энн прошла за полупрозрачную стенку в кабинет к отцу и протянула ему стопку платежных документов на подпись.

– Вот этот счет, – она отделила одну бумажку от прочих, – подписывать нельзя. Они недопоставили нам сто килограммов стирального порошка.

– Послушай, – мистер Тьюберг откинулся на спинку кресла и снисходительно скривил губы, – это старые партнеры, клянутся, что завтра привезут остаток.

– Вот завтра и перечислим им деньги, – спокойно проговорила дочь.

– Нет, все-таки вы, молодое поколение, совсем не похожи на нас, стариков, – произнес Тьюберг, с явным удовольствием поглядывая на умную красивую дочь. – Старых партнеров ты зажимаешь, а глупого бухгалтера уволить не даешь.

– Нам нужны не старые, а надежные партнеры, папа. А у бухгалтера уже хороший опыт работы, и нельзя увольнять людей направо и налево.

– Я всегда считал, что нельзя увольнять только по состоянию здоровья, а за глупость это обязательно нужно делать!

– Глупость – тоже состояние здоровья, папа.

– Ну ладно, поступай как знаешь. Пожалуй, я пройду по торговым залам.

Энн вышла в общее помещение, передала счета и, переговорив со служащими, направилась в свой кабинет, но через широкие ведущие в торговый зал стеклянные двери увидела Гамильтона и, чуть поколебавшись, направилась туда.

Войдя в супермаркет, лейтенант поспешил к тому отделу, где продавались готовые либо почти не требовавшие приготовления продукты и, как обычно с ним бывало, стал рыскать глазами по полкам, не очень хорошо понимая, чего же именно он хочет.

– Очень приятно, что первый полицейский города не пренебрегает нашим скромным ассортиментом, – прозвучал вдруг мелодичный голос у него за спиной.

– Энн... добрый вечер, – Гамильтон радостно улыбнулся этой единственно приятной за весь день встрече.

– Похоже, ты так хочешь есть, что не знаешь на что наброситься?

– Ты угадала, я целый день ничего не ел и озверел немного.

– Послушай, оставь эти банки в покое. Так и быть, приглашаю тебя поужинать в ресторанчике напротив. Да, да! – продолжила она, не дав ему времени на ответ. – А то от тебя ведь приглашения нескоро дождешься.

– Простите, мадам! – груженная пакетами тележка попробовала объехать Энн. – О, Фрэнк, ты тоже здесь... еще раз прошу прощения, мадам, – Гильберт неловко попытался отодвинуть тележку, которая застряла посередине между ними тремя.

– Познакомься, Энн, это мой старый школьный товарищ, Гильберт Хьюз.

– Очень приятно, – Энн протянула ему руку, – я вас раньше никогда не видела.

– Я не живу здесь уже много лет, приехал недавно и ненадолго.

Еще кто-то приблизился сзади и положил руку Гамильтону на плечо.

– Ха-ха, Фрэнк, рад вас приветствовать! – мистер Тьюберг был в отличном расположении духа, – давно вас не видел. Может, поднимемся в бар и махнем по рюмочке?

– Ты опоздал, папа, я уже пригласила его поужинать.

– Ну-у, тогда мне придется выпить одному, куда мне с ней тягаться, не так ли, господа.

– Кстати, мистер Тьюберг, – Гамильтон кивнул на застывшего по другую сторону Хьюза, – это Гильберт Хьюз. Может быть, помните мальчика из нашего города? Теперь он профессор, прибыл сюда из Токио.

Глаза Тьюберга на несколько секунд потеряли свое бойкое щегольское выражение, он приуменьшил, и пауза чуть-чуть затянулась:

– Нет... разве упомнишь всех наших мальчишек и девчонок. Но, очень рад вашим успехам, сэр! – Он сделал движение, пытаясь протянуть Гильберту руку, но помешала неловко поставленная тележка и рука застряла в начале пути. – Ну что ж, не буду вам мешать, молодежь. – Тьюберг тут же разудыбался и с общим прощальным жестом исчез в глубинах торговых стеллажей и полок.

– Я тоже пойду, – сообщил Хьюз, – надеюсь, до скорой встречи.

* * *

Красный солнечный диск сел краем на горизонт и, наступило недолгое время тишины и ласковых красок, которые всегда бывают чуть странными в начале осени, когда синий купол неба еще источает тепло, а земля не измучена дневным палящим зноем, и ей не нужен отдых от солнца. И все живущее на пространствах огромной пустыни чувствует это спокойствие и теплоту.

Пустыня начиналась сразу за автострадой с другой стороны от города, уютно раскинувшегося в зеленой долине. Природа устроила здесь все сама – городу никогда ничего не приходилось забирать у пустыни, и они жили своей жизнью, не нуждаясь друг в друге.

Красное солнце опиралось на горизонт, и человек с удовольствием смотрел на него. Он любил эти минуты, когда можно смотреть широко открытыми глазами на прекрасное светило. Это прибавляло сил, помогало собраться.

Он затащил молнии на высоких, доходящих до самого паха сапогах и присел, потом потопал ногами, проверяя, хорошо ли все подогнано. Поверхность у сапог была покрыта пластинками из очень тонкого темно-зеркального металла. Свободные от них места были только на сгибах у колен и щиколоток. Такие же длинные до локтя перчатки, только с внутренней их стороны на ладонях и пальцах отсутствовало защитное покрытие. Человек внимательно осмотрел каждый обтянутый эластичной материей палец, проверяя, нет ли хотя бы маленькой морщинки. Он остался доволен и позволил себе за это еще чуть-чуть посмотреть на красный солнечный диск. Потом быстро пристегнул к поясу небольшую сумку и покрутил в руках метровый стек – все в порядке и все готово.

Почва здесь была песчано-каменистая вперемежку с островками стелющихся колючих кустарников. Они, да еще отдельные груды камней больше всего интересовали человека.

К кустарникам, едва достигавшим его колен, он подходил осторожно, раздвигая крючковатым концом стека на вытянутой руке колючие переплетения. Каменные скопления человек сначала обходил, и лишь потом резким энергичным движением стека отворачивал отдельные камни, проверяя – что кроется под ними.

Гремучая змея – страшный противник, и особенно, когда она прячется в камнях. Тут гремучка чувствует себя запертой – ей некуда бежать – и она отчаянно нападает. Страшнее всего, что имея мощное, почти двухметровое тело, она может, опершись хвостом о камни, подняться на две трети в воздух и ударить страшными зубами в пах или даже в пояс. Тут яд подействует быстрее, чем сыворотка, которую нужно еще успеть достать из сумки.

Ходят слухи, что гремучка предупреждает о себе характерным треском. Бывает, что предупреждает, а бывает, что и нет.

В очередной куче камней было пусто и человек двинулся дальше. Все чаще под ногами стали попадаться норы грызунов, и это хорошо – значит, уже не очень долго ждать.

На его пути оказался очередной совсем маленький островок колючек.

И вот!

Он быстро отшагнул назад.

В двух метрах, изгибаясь синевато-серыми дугами, шипела змея. Раздвоенный язык стремительно вылетал и скрывался, неподвижные абсолютно черные без зрачков глаза впились в него в безумной злобе. Готовая к мгновенному бою, она не собиралась покидать свое законное место.

Враг не уходил, и ее ненавидящее рыльце с гадкими светлыми ноздрями пришло в постоянное движение. Вверх, вниз, в стороны, в такт с изгибами пружинистых, готовых к броску колец. Но человек спокойно наблюдал с опущенным стеком, оценивая врага. Он знал, где начинается граница боя, и был чуть дальше от нее. Он уже внимательно огляделся, потому что рядом с одной змеей может таиться другая – сюрприз из траурного разряда.

На этот раз все было спокойно, и человек, чуть покачавшись из стороны в сторону, вдруг резко шагнул вперед, и тут же мощное двухметровое тело бросилось ему навстречу!

Но, что-то случилось... пружинистые кольца потеряли друг друга, а в маленькой смертоносной голове на миг появился туман. Цель была рядом, но тело, лишившись опоры, не слушалось. Человек знал, что делал – змея налетела на выброшенный стек и поднятая наполовину в воздух беспомощно извивалась. Он тут же бросил ее на землю и, пользуясь короткими мгновениями растерянности, прижал крюком голову.

Хорошо, что с первого захода, уж очень крупный экземпляр. Теперь надо дать ей чуть побесноваться – пусть пар немного выйдет.

Прошла минута бешеных и бесполезных усилий... и вот, когда в неистовом безумстве мускулов почувствовался спад, человек перевел стек в левую руку, еще раз взглянул на незащищенную внутреннюю часть правой руки, потом стремительно нагнулся и точно вонзил большой палец в ямку между затылком и шеей с одной стороны, а указательный и средний – с другой. Еще через мгновение змея висела в воздухе, тщетно стараясь обвить его руку хвостом. Но ничего не получалось, и злобно раскрытая светло-розовая пасть была бессильна. Лишь в глубине маленьких черных глаз метались искры ненависти и страстное желание: убить! убить! убить!

* * *

Фрэнк и Энн сидели за столиком небольшого хорошо знакомого ресторанчика. За окнами сгустились сумерки и им в ответ, освещая прохожих, ярко загорелись уличные фонари.

– Знаешь, – немного подумав, сказала она, – наверно это не очень важно, но мне показалось, что отец странно отреагировал на твоего приятеля. По-моему, он не был искренен, когда сказал, что его не помнит.

– Да, – с досадой признался Гамильтон, – это я виноват, ляпнул от усталости. Просто лет двадцать назад здесь случилась одна очень скверная история.

– Когда мне было пять лет?

– Да, ты, конечно, об этом не знала... мать Гильберта повесилась. – Он помолчал, не будучи уверен, что стоит продолжать, но увидел в ответ тот самый взгляд больших серых глаз, которые посмотрели на него тогда, двадцать лет назад, посмотрели, чтобы понять.

Он подождал, пока официант отойдет от столика.

– Она была доброй, совершенно безобидной... может быть, не очень умной и немного расхлябанной... Но, во всяком случае, из тех людей, которые никому не переходят дорогу и не задумываются – как их оценивают другие. Странно сейчас об этом говорить, время меняется... тогда она завела приятеля. Мексиканца. Какого-то простого парня, который нанимался у нас на сезонные работы к фермерам. Поселила его у себя. Ну, и город это не перенес. Она работала мелким администратором у твоего отца. – Опять подошел официант, поставил что-то на стол, и Гамильтон на несколько секунд прервался. – Так вот, когда обыватели решили, что ее личная жизнь их сильно касается, он ее выгнал. Потом ей не удавалось нигде устроиться.

– Тому, кто торгует, приходится во всем подчиняться публике, Фрэнк, – не очень уверенно сказала Энн, и Гамильтон, стараясь закончить тему, поспешно подтвердил – конечно, приходится.

Она хотела еще что-то сказать, но не успела; подвинув кресло к их столику, в него вдруг бухнулся крепкого сложения брюнет с привлекательной, хотя несколько конфетной и потасканной физиономией. Одет он был очень хорошо и даже чуть франтовато.

– Привет, ребята, привет! Фрэнк, дружище, ты ужинаешь с дамой, не снимая полицейской формы. Я понимаю это как намек другим мужчинам, что ухаживания за ней могут иметь серьезные последствия. Сразу тебя предупреждаю, старина, что это типичное превышение власти и завтра же я опубликую протест в своей газете. Ха-ха! Энн, девочка, ну неужели ты до сих пор не поняла, что сделала трагическую ошибку на том выпускном школьном празднике? Как можно было? При твоем-то уме! Но ошибку еще не поздно исправить. Я завтра зайду в офис поговорить о продлении вашей рекламы в газете, и давай сразу решим все остальное, а? Ну чего тянуть, и при чем здесь полиция – это дело сугубо гражданское.

– Слушай, Эдди, – ответила тут же Энн своим спокойным мелодичным голосом, – когда ты перестанешь быть нахалом? Ладно, можешь не отвечать, понятно – не скоро. Поэтому могу сообщить, что если официант успеет принести мне бифштекс до твоего ухода, ты первый попробуешь его на вкус.

– М-мм?... А, кажется, я понял, что ты имеешь в виду. Ну ладно, пока! До завтра. – Однако, двинувшись прочь, он вдруг остановился и, сделав трагическую мину, с сокрушенным выражением произнес: – И все-таки ты о-очень ошиблась, когда подошла в тот день к нему, а не ко мне!

– Возможно, надо было подойти к кому-нибудь третьему.

Кажется, Гамильтон слегка поперхнулся, отпивая из бокала.

* * *

Солнце совсем опустилось за далекий пустынный горизонт, оставив земле лишь тоненький краешек, и человек направился назад, туда, где он оставил свою машину, припрятав ее за небольшим холмом, чтобы не видно было с дороги.

Охота прошла успешно – в мешке злобно и беспомощно возилась настоящая добыча. Вчера ему попадались только небольшие особи – почти змееныши, и он правильно сделал, что не стал с ними связываться. Вот теперь в его распоряжении настоящая сила и настоящий яд. Всегда надо преодолевать обстоятельства и идти на максимум!

А поначалу день не складывался и не сулил удачу, в особенности после этой дурацкой встречи с полицейским на дороге, когда тот негритенок, выката белки, вперился во внутренность его машины.

Конечно, проверка связана с розыском каких-то преступников, потому что прежде всего полицейский внимательно посмотрел ему в лицо, а потом потребовал открыть заднюю дверь в салон – искали людей, это ясно. Но все же событие неприятное. Надо теперь выезжать из города с другой стороны, чтобы, по крайней мере, не нарываться опять на этот пост.

Солнце исчезло, и тьма стала стремительно охватывать землю, но человек уже видел вдали бледные контуры своего автомобиля.

* * *

Сегодня вечер в пивном ресторане Коули прошел как обычно, и сам он уже поужинал, а в зале и на кухне только что закончили уборку. Прислуга ушла, и в чистом полуосвещенном помещении наступила приятная долгожданная тишина. Миссис Коули тоже уже собралась уходить в их дом по соседству, но сам хозяин решил на полчаса задержаться.

Сегодня прошла четвертая баскетбольная встреча «Феникса» с «Быками» из заключительной финальной серии. Результат уже был известен – «Феникс» выиграл и счет побед сравнялся. Но Коули хотел посмотреть спортивный отчет для полуночников, где повторяли все интересные моменты встречи. Тому были две причины: во-первых, он болел за «Феникс» и даже поставил в тотализатор тысячу на то, что тот выиграет по сумме встреч, а во-вторых, он никогда не спешил отсюда домой, ощущая этот зал не менее родным и уютным для себя местом. К тому же, был повод позволить себе третий бокал пива – по случаю победы любимого клуба.

– Мог бы смотреть в телевизор и дома, – произнесла, уходя, миссис Коули.

– Ну-ну, я скоро, – ответил он. На экране уже появлялась знакомая баскетбольная заставка.

Вспомнив про тысячу долларов, Коули подумал, что чикагские «Быки», конечно, играют в более стабильный, построенный на хорошо отрепетированных схемах баскетбол, более, в общем-то, надежный, и он, пожалуй, здорово рискнул своей тысчонкой. Зато взрывные импровизации «Феникса», его талантливые лидеры просто приводят в восторг. Даже чикагскую публику, ведь сегодня игра идет на чужой площадке. Хватило бы только у команды пороку на все встречи финальной серии.

Коули сделал большой глоток из бокала и, отвлекшись на секунду от экрана, услышал неясный шорох. Где-то справа, за спиной. Он машинально обернулся, но в зале, разумеется, было пусто, и он снова устремил взгляд на экран.

Хоть результат и был известен, но действие не переставало волновать. Начинался четвертый тайм, а «Феникс» выходил на него, проигрывая шесть очков. Шесть! Как же они из этого выберутся?

Команда начала отлично – выиграла вбрасывание и провела прекрасный трехочковый мяч. Впрочем, «Быки» через десять секунд ответили тем же самым, сохранив свое опасное преимущество.

Опять раздался непонятный шорох метрах в пяти-шести сзади и он хотел было повернуться, но маленький защитник «Феникса» как молния пронесся к кольцу и, обыграв двух рослых чикагцев, сумел отыграть два очка. «Браво!», – воскликнул спортивный комментатор, и совершенно с ним согласный Коули все-таки повернулся в ту сторону, откуда только что слышались непонятные звуки.

И снова он ничего не увидел и уж собрался опять вернуться к телевизору, когда заметил, что широкая занавеска у окна как будто колеблется.

Это Коули не понравилось. Окно из сплошного стекла и не имело форточек и створок, а значит, воздух подуть не мог. Он, сам не зная почему, обвел глазами пустой полутемный зал и снова уставился на занавеску. Теперь она была неподвижна, но странное ощущение не проходило...

Материя вдруг дрогнула, будто кто-то живой шевельнулся, скрываясь за ней.

– Что за дьяволыщина, черт возьми, – недовольно выговорил Коули, испытывая не столько гнев, сколько недоумение от чьих-то странных и неуместных шуток, и, словно в ответ на его голос, занавеска опять колыхнулась. Еле заметно. Как если бы спрятавшийся, боясь быть обнаруженным, старался замереть, но выдавал себя от волнения и неловкости.

– Да что это еще за новости! – резко поднявшись и направляясь в ту сторону, проговорил хозяин. – Крысы, что ли, у меня завелись? Или кому-то не терпится получить перед сном оплеуху?!

Он подошел к занавеске и откинул край.

Что-то внезапно метнулось в воздухе и резко ударило его, отбросив на два шага назад!

Ошеломленный, он несколько мгновений не мог ничего понять, но вдруг почувствовал острую пронизывающую горло боль. И тут же увидел, как на его светлую рубашу быстро падают тяжелые густые капли.

– Что за черт, да это ведь кровь... – Он удивленно произнес слова в полный голос, но сам слышал их далекими и глухими.

Темная неживая кровь продолжала течь, заливая рубашу, и Коули оцепенел, не понимая происходящего. «Быть может, это просто сон», – мелькнуло у него в голове, но тут же новый острый приступ боли заставил его очнуться и мысль о помощи, как гибнущая птица, забилась, обращаясь к небу. Он попытался закричать, позвать... кого угодно! Но вместо крика вырвался натужный хрип, дыхание перехватило, как будто бы вокруг не стало воздуха.

Он сделал новое усилие... но все потемнело и кануло.

* * *

Гамильтон приехал как всегда к положенному утреннему часу на службу и окунулся в работу.

Вчера поздно вечером позвонил телефон и он по номерному определителю понял, что это Гильберт: «Прости что в такое время, – извинился тот, – но тебя долго не было дома. Ты еще не ложишься спать?» – «Нет, все в порядке, я смотрю баскетбольную встречу». – «Ах да, и у меня телевизор на этой программе... вон какой красивый мяч забросили. – Это был тот самый мяч маленького защитника, одного из самых знаменитых спортсменов Америки. – Я ненадолго тебя оторву. – Он сделал небольшую паузу. – Дело в том, что мама перед смертью оставила записку. Однако судья тогда решил не давать ее мне до совершеннолетия». – «Наверно правильно, Гильберт, они не хотели тебя лишней раз травмировать». – «Наверно. Сегодня я разговаривал в городском суде. Там заявили, что я могу получить ее без всяких

препятствий, записка у вас в полицейском архиве. И я бы очень тебя попросил...» – «Конечно, конечно, – заверил Гамильтон, – я завтра же с утра дам необходимое распоряжение».

Он с этого утром и начал, потом просмотрел поступившие из столицы Штата оперативные сводки, и уже заканчивал инструктаж сотрудников, когда как снег на голову пришло сообщение о старом Коули.

Его жена, возвратившись домой, сразу отправилась спать, полагая, что муж очень скоро вернется. Утром, заглянув в его комнату, решила, что тот отправился до завтрака по каким-нибудь хозяйственным делам, что иногда бывало. Постель он тоже всегда сам застилал... Ресторан начинал работать в десять утра, и вот около этого времени пришедшие на работу служащие и обнаружили труп хозяина.

Что именно произошло, никто из них не понял и, судя по залитой кровью груди и горлу, все решили, что он был ночью зверски зарезан. Об этом и сообщили.

Гамильтон немедленно выехал. Во второй машине, заскочивший в госпиталь за медэкспертом Фолби, сразу вслед привез самого Уолтера.

– Шеф, – чуть смущенно проговорил он, – я просил господина директора послать кого-нибудь из сотрудников, но он сам пожелал.

– Ей-богу, не стоило, Билл, – сказал Гамильтон, пожимая тому руку перед входом в ресторан.

– Ничего, Фрэнк, мне сейчас лучше поработать.

– Понимаю. Тогда пошли.

Около входа толпились служащие и уже собралась изрядная куча окрестных зевак, по преимуществу женского и детского пола. В дверях, как и положено, стоял полицейский.

– Вот эти двое, сэр, – он показал на мужчину и женщину, – они первыми увидели труп.

– Сержант, снимите с них протокольные показания. Прошу вас, Билл.

Труп старика Коули лежал недалеко от дверей вдоль первого ряда столиков. Один стул был повален, возможно, самим хозяином, когда он падал, в остальном – никакого видимого беспорядка. На стойке бара, не выключенный с ночи, продолжал работать телевизор, а на ближайшем к нему столе стоял недопитый бокал и тарелки со вчерашним ужином – вот и все. В зале уже трудились фотограф и эксперт, который как раз снимал отпечатки пальцев с бокала.

Минуты две пришлось подождать, пока фотограф делал снимки трупа во всех необходимых ракурсах, потом Гамильтон кивнул Уолтеру, и тот быстро направился к телу, открывая на ходу белый выпуклый кейс.

Крови было очень много, наверное, вследствие повреждения крупных артерий и вен. Кровь запекалась, почти закрывая горло, растекалась крупными пятнами по рубашке и по полу около головы.

Прежде всего Уолтер бросил кусочки засохшей крови в две разные пробирки, потом осмотрел белки глаз покойного, приложил какую-то тоненькую бумажку к зрачку и, еще с минуту поколдовав, объявил:

– Смерть произошла 8–9 часов назад, значит...

– Где-то в первом-втором часу ночи.

– Да, Фрэнк... далее, насколько я сейчас могу судить, ран в грудной клетке нет. Кровь натекла сюда сверху. А в области горла и местной сосудистой системе раны не резаные, а колотые. Прочие подробности – через полтора часа. Пусть труп немедленно доставят к нам в морг, я сам всем займусь.

– Огромное спасибо, Билл. – Они вместе направились к выходу. – Как Мэри?

– Спит в основном. Снотворное и седуксены... отправлю ее на специальное лечение в ближайшие дни.

– Еще раз спасибо.

Гамильтон вернулся в помещение и приступил к обычной в таких случаях работе – опросу свидетелей, проверке того, что было или могло быть украдено.

– Здравствуйте, шеф, – услышал он вскоре за своей спиной, – я могу чем-нибудь помочь?

– По-моему, сейчас не твоя смена, Дик?

– Да, сэр, но я узнал о случившемся и подумал, что могу быть полезен.

– Можешь, можешь, – подтвердил подошедший Фолби, – помоги-ка для начала труп в санитарную машину отнести.

По-видимому, Дик Терье, предлагая свои услуги, не это именно имел в виду, однако долго думать ему не пришлось – мощная рука сержанта повернула его длинное тело на сто восемьдесят градусов и отправила в указанное место.

– Что с миссис Коули, – спросил Гамильтон, – с ней можно поговорить?

Фолби сомнительно покачал головой:

– Вряд ли. Кто-то из служащих очень постарался: прибежали к ней в дом с криком – «Вашему мужу горло перерезали!». Старушка тут же и прилегла, сейчас с ней врач.

– Шеф! – Терье поспешно к ним приблизился, протягивая на ладони связку ключей. – Это было в кармане покойного, наверно здесь есть и ключ от сейфа.

– Возможно ты прав, пошли посмотрим.

Сейф стоял в углу за стойкой бара.

Сначала его внимательно осмотрел эксперт и снял отпечатки с панелей и ручек.

– Ну, то что его никто не пытался взломать, я сразу могу поручиться, – заявил он, уступая место сержанту.

Тот попробовал один ключ, потом второй, крутанул ручку и приоткрыл толстую бесшумную дверку.

На верхней полке лежали какие-то счета и документы, на двух нижних – деньги – несколько пачек на средней полке и мелочь внизу.

– Я так понимаю – это дневная выручка? – спросил Гамильтон, обращаясь сразу ко всем.

– Именно так, – ответил кто-то из служащих, – деньги в пачках сам мистер Коули отвозил утром в банк, а мелочь так и оставалась для текущих нужд.

– А сколько этих, крупных, примерно было?

– Позвольте взглянуть, – говоривший служащий придвинулся к сейфу, – ... да на глаз... это похоже на ту сумму, которая ежедневно отвозилась в банк.

– Значит, деньги в сохранности, – задумчиво произнес лейтенант. – Может быть, что-то ценное пропало? Из оборудования? Дорогие столовые предметы?

При полном молчании несколько человек отрицательно покачали в ответ головами.

Держать здесь своих людей дальше не было смысла. Гамильтон приказал всем возвращаться в управление, оставив на месте двух сотрудников с заданием – подробно опросить всех работников и соседей о событиях последнего времени, связанных с любыми ссорами, конфликтами, неурядицами между Коули и другими людьми. И поинтересоваться более отдаленным прошлым – не обмолвился ли он когда-нибудь о старых врагах, недоброжелателях, даже если они были в юности.

– Понятно?

– Понятно, сэр, – ответили оба.

– На все это вам не более двух часов.

* * *

Не успел Гамильтон войти в свой кабинет, как пришлось разговаривать по телефону с Бартоком.

– Да, Эдди, – ответил он сразу, – убийство. Но пока нет заключения медэкспертизы, ничего конкретного сообщить не могу... Не знаю... Единственно, что можно сейчас с определенностью утверждать, – ограбления, как такового, или явных попыток к этому не обнаружено.

Почти тут же в кабинет вошел Фолби и как-то между прочим вслед за ним втиснулся Терье.

– Только что позвонил врач от миссис Коули, она пришла в себя, сообщила следующее, – Фолби посмотрел на листок бумаги, – я вот просто записал. Она уходила последней. Двери в служебные помещения уже были заперты. Оставалась открытой только входная дверь. Муж оставался один, хотел посмотреть вечерний отчет о баскетбольном матче.

– «Феникс» играл с «Быками» и выиграл во второй финальной встрече, – радостно сообщил Терье.

– То, что твой «Феникс» случайно выиграл, ничего не объясняет, – проворчал, не обращившись, сержант.

– Во-первых, не случайно, – завертел белками тот, – а во-вторых, разрешите одно предположение, господин лейтенант.

Гамильтон согласно кивнул – делать-то пока все равно было нечего.

– Входная дверь ведь осталась открытой, так? – начал Дик.

– Так, так. – Фолби грузно опустился в кресло и положил ногу на ногу.

– Ну вот. Значит, вполне возможно, что кто-нибудь из соседей тоже зашел взглянуть на этот матч. Коули болел за «Феникс», мне один из служащих сказал, что он поставил тысячу в тотализатор.

– Да что такое для Коули тысяча, – проворчал Фолби, – его капитал тянет за миллион.

– Ну, все равно, – горячо продолжил Терье, – тот, второй, мог быть болельщиком «Быков». На этой почве они могли повздорить и...

Тут он по кислым физиономиям начальства все-таки понял, что немножко увлекся, и закончил на уже вопросительной ноте:

– Но теоретически, так оно могло ведь быть?

– Не могло, – вяло проговорил Фолби, – не могло, потому что, даже если отбросить все прочие твои глупости, «Феникс» у «Быков» больше ни одной встречи не выиграет, и это любому дураку понятно.

На физиономии Дика изобразился протест, но в этот момент в кабинет вошли сразу несколько человек: один из оставленных для опроса в ресторане полицейских, эксперт с данными об отпечатках пальцев и о прочих деталях, а почти следом – фотограф, который стал тут же на длинном столе для оперативных совещаний раскладывать фотографии.

Очень скоро выяснилось, что ни одной новой серьезной ниточки не появилось.

Соседи и служащие, как один утверждали, что обстановка в последнее время была самая мирная, дела шли прекрасно. А по части врагов – для человека, прожившего в небольшом провинциальном городе всю или почти всю жизнь... да если бы что и было, кто бы этого не знал!

Эксперт доложил, что никаких посторонних отпечатков на сейфе, бокале, столе, сидя за которым хозяин смотрел телевизор, не обнаружено. Входная дверь захватана многими руками, и там ничего не разберешь.

В общем, как говорится, дело ясное, что дело темное, и это было написано у всех на лицах, когда снова зазвонил личный телефон Гамильтона.

– Фрэнк, это Уолтер, – услышал он в трубке, – я закончил экспертизу.

Гамильтон тут же включил общий динамик, чтобы слышали все собравшиеся.

– Фрэнк, это не убийство, – прозвучал голос Уолтера, – то есть человек его не убивал. – Он чуть-чуть помолчал. – Его убила гремучая змея. – В кабинете вдруг наступила неестественная тишина. – Вы меня слушаете, Фрэнк?

– Да-да.

– Потеря крови – просто следствие попадания ее зубов в крупные вены. – Уолтер коротко откашлялся. – Большое количество яда в крови, хватило бы и половины, чтобы убить человека, рядом ведь мозг. Мы через час пришлем вам официальное письменное заключение.

Еще пару мгновений продолжался общий столбняк, потом так же неожиданно все заглодели, а еще через несколько секунд Гамильтон, хлопнув по столу ладонью, крикнул:

– Тихо!!

И после небольшой паузы спокойно и быстро заговорил:

– Срочно связаться с мэрией и объяснить, что в городе появилась опасная, очень агрессивная змея, мобилизовать все муниципальные службы и добровольцев для прочесывания. В особенности в районах, прилегающих к автостраде. Настоятельно предложить гражданам не только в вечернее, но и в дневное время ходить только по асфальтовым дорожкам. Запретить детям играть на травяных газонах. Далее, вдоль автострады с обеих сторон стоят металлические решетки. Надо их проверить – ведь проползла же змея сюда из пустыни, прежде чем убила двух человек.

– А почему вы думаете, шеф, что старика и девочку укусила одна и та же змея?

– Я так совсем не думаю, поэтому тем более надо проверить решетки вдоль всей дороги у города.

* * *

Гамильтон понимал, что в ближайшее время в городе может начаться паника. А противопоставить этому можно только организованность, чувство локтя у людей. Поэтому он сам в срочном порядке побывал в обеих школах и на многих улицах, вместе с администрацией организовывал добровольные отряды. И город напрягся и заработал.

Решили, что сводки прочесывания будут сообщаться из каждого района в управление полиции, а там будут составлять общую карту проверенных участков, и к вечеру город должен быть весь покрыт чистыми зонами.

У госпиталя в полной готовности дежурила машина экстренной помощи с сывороткой, кровью для срочного переливания и прочими необходимыми средствами.

Все это потребовало времени и многих мелких усилий, так что к середине дня Гамильтон возвратился в свой служебный кабинет изрядно измотанным. Как раз вернулась и бригада, проверявшая заградительные сетки вдоль автострады.

Честно говоря, лейтенант делал эту проверку для очистки совести, поскольку не сомневался, что, огоражив скоростную трассу от животных, детей и случайных прохожих, ее устроители не заботились о незначительных щелях и прорезях у грунта.

Так нет же!

Три километра городской линии оказались наглухо перекрытыми! Проволочная сетка, в которую и пальца не просунешь, была намертво впаяна в бетонный бордюр. И нигде никаких повреждений!

Проводивших проверку сотрудников этот факт привел в явное замешательство.

– Откуда же, господин лейтенант, было взяться змее, если не из пустыни? – спросил один из них, и Гамильтон, кажется, чересчур раздраженно, сказал, что не отвечает за местную фауну.

Но все-таки, действительно, откуда?

Вдобавок ни с того ни с сего приперся Эдди Барток, и вид у него был такой, как будто в городе готовятся к рок-фестивалю.

– Ну как делишки? – поинтересовался он, усаживаясь на край стола, – поймали гадов? Мне уже надо вечерний номер верстать.

– Слушай, убери задницу с моего стола, – раздраженно ответил Гамильтон.

– А чего ты злишься, – Эдд пересел в соседнее кресло. – Знаешь, кого я сегодня встретил на улице? Придурка этого, Гильберта Хьюза.

– У Хьюза полное профессорское звание и он уже отработал в нескольких первоклассных лабораториях мира.

– Иди ты! Кто бы мог подумать? Так надо мне у него интервью взять, что ли... с портретом. Хотя, ха-ха, как вспомню, как я бил его и по заднице и по морде, ха. Ладно, заскочу к тебе через часок за новостями.

У Гамильтона побелели от этого хамства губы, но прежде, чем он успел ответить, от Бартока и след простыл.

– С-скотина! – все-таки выговорил лейтенант.

– Вы что-то сказали, шеф? – в дверях появился дежурный.

– Нет, ничего. Есть новости?

– Есть, но немного странные. В сквере недалеко от центра только что найден мертвый пудель. Хозяйка уже объявилась. С утра он убежал гулять... но в общем, другое важно – у него на лапе заметили две точки запекшейся крови. Приказать отправить его на экспертизу?

– Да, обязательно. Где, говорите, это случилось?

– В ста метрах от концертного зала.

– Черт возьми, практически в самом центре! А местность вокруг уже прочесали?

– Заканчивают, сэр.

– Хорошо, отправьте труп собаки на проверку.

Гамильтон тут же поднял трубку зазвонившего телефона. Это опять был Уолтер.

– Простите, Фрэнк, что беспокою, но думаю, могу сообщить нечто немаловажное. Мы проверили яд, от которого погибла Джейн, и тот, что убил Коули. Так вот, есть различия, несколько показателей, о которых я не буду сейчас распространяться...

– Это разные змеи?

– Да, вне всяких сомнений.

– Спасибо, Билл, это очень важно. Еще одна просьба – в ближайшее время к вам привезут труп собаки. Есть подозрение, что и она погибла от змеиных укусов.

– Да, Фрэнк, конечно, мы все проверим и сообщим о результатах.

Минуты две Гамильтон сидел в молчаливом оцепенении, не чувствуя ничего, кроме собственного бессилия. По крайней мере за последние десять лет ни о каком проникновении змей в город никто и слухом не слыхивал. Да и в пустыне их уже было мало – природа там вообще становилась бедней. И вдруг в городе появляются две ядовитые твари, непонятным, если не сказать фантастическим образом, преодолевшие двухметровую заградительную сетку.

Перебраться верхом змея не могла чисто физически, пролезть под сетку, как теперь выяснилось, тоже не имела возможности.

Но и это не все.

Допустим, что, как-то оказавшись в городе, змея пристроилась в кустах и укусила неосторожную девочку.

Так.

Но как она оказалась в ресторане, где все для нее, как для любого дикого животного, чуждо и страшно: свет, запахи, наконец, люди? Вдобавок ко всему, в зале только что произвели уборку, вымыли пол, когда же она проникла в помещение? То есть не она, а та, другая... Тьфу, ну зачем он бросил курить!

И не очень было понятно, что делать дальше: запрашивать военные подразделения?

Нет. Итак, весь город на ноги поднят и ясно, что к вечеру не будет ни одного не обшаренного уголка.

– Господин лейтенант! – на этот раз дежурный не вошел, а влетел в кабинет. – Господин лейтенант, не знаю, как их назвать – нашли останки змей, точнее, обуглившиеся скелеты. Везут сюда!

– Где нашли?

– На свалке за городом. Какие-то школьники не поленились туда добраться. К ним выехал Фолби и будет здесь минут через пятнадцать.

Дежурный смотрел на Гамильтона не моргая, полными от удивления глазами. И Гамильтон подумал, что сам, наверное, так же выглядит.

– Вызовите фотографа, надо все это как следует отснять на пленку! – ляпнул он уверенно и громко, и это почему-то принесло облегчение им обоим.

– Ну да, сэр! – обрадовался дежурный. – Я сейчас позвоню в лабораторию.

Прошли обещанные пятнадцать минут, но Фолби еще не приехал. Гамильтон вышел в соседнюю комнату и пару минут рассматривал уже на две трети заштрихованную карту города, а часы показывали только начало четвертого. Оставалось прочесать не так уж много городских территорий.

Живых змей не было, зато вдруг объявились две мертвые.

Он не спеша вернулся к себе в кабинет. Фолби по-прежнему отсутствовал, зато появился Терье.

– У тебя что, новости? – спросил Гамильтон.

– Да не совсем, – начал тот, но зазвонивший телефон прервал его на полуслове.

– Я ассистент господина Уолтера, – сообщили на другом конце. – Он просил передать вам, что в крови у погибшей собаки яд гремучей змеи. Более подробную информацию дадим несколько позже.

Гамильтон помрачнел и некоторое время сидел, барабанив пальцами по столу, потом поднял глаза на терпеливо ожидавшего Дика.

– Так что у тебя?

– Помните, я вам вчера вечером говорил про автомобиль на автостраде? С таким странно оборудованным салоном?

– А... да, вспоминаю.

– Я потом проверил – мимо следующих постов эта машина не проезжала, а поворота в город нигде ведь дальше нет.

– То есть, она повернула в пустыню – ты хочешь сказать? Постой-ка! Опиши мне, пожалуйста, снова, что ты там увидел внутри.

– Стол, примерно полтора метра в ширину два в длину с чуть закругленными вверх краями, абсолютно гладкий, полированный – не могу сказать, из какого именно материала. Что-то вроде медицинских или аптечных склянок, прикрепленных на специальной полочке... Да, палка, метр-полтора, валялась на полу, кажется с крючком на конце... Ну, что еще...

– А больше ничего не надо, Дик. Это был змеелов.

– Змеелов, сэр?!

– Несомненно. Этот стол предназначен для змей. Они в таких условиях совершенно беспомощны, скользят и, не имея способа оттолкнуться, не могут ни выбраться, ни сделать бросок на человека. Там у них берут яд и отпускают назад в пустыню.

– Что же это выходит, сэр?! Какой-то фанатик ловит в пустыне змей, а потом забрасывает к нам в город?! То-то мне не понравился этот человек, смотрел так исподлобья.

– Подожди, Дик, не торопись. Сначала нам надо его заполучить. Потом разберемся. Сообщи дежурному номер и описание машины, чтобы передал патрульным постам. Если змеелов сегодня появится, пусть сразу не задерживают. Сколько у нас там расстояние между постами – около двух километров?

– Примерно так.

– Так вот, если он проедет один пост и через пять минут не минует другой, пусть тут же доложат. Вышлем группу захвата – он нам нужен с поличным. Ты понял?

– Все понял, сэр.

Через десять минут наконец-то появился Фолби.

– Ну, странный я привез сувенирчик, – заявил он, нарисовываясь в дверях кабинета с большой брезентовой сумкой в руке.

Следом за ним вошли дежурный по управлению, фотограф и несколько любопытных сотрудников.

Фолби поставил сумку на стол для совещаний, не спеша расстегнул молнию и медленно вытянул два прозрачных целлофановых пакета.

– Вот, – предложил он, – можете рассмотреть и даже потрогать эту пакость.

В каждом пакете было по мерзкому обожженному до черноты змеиному скелету. С мощными позвоночными костями, явно от очень крупных экземпляров. Обгоревшие с пустыми глазницами черепа сохранили злобное выражение и, казалось, застыли, готовые пустить в ход два длинных, выступающих из верхней челюсти ядовитых зуба.

– Почти свеженькие, – объявил сержант, переходя от стола к креслу и закуривая, – из последних мусорных контейнеров. Но вот, из каких именно районов, установить сейчас невозможно.

Фотограф начал щелкать камерой, люди отступили на шаг, и на минуту сделалось тихо.

– Проехала, господин лейтенант! Проехала машина! – Терье ворвался в кабинет как угорелый и чуть не налетел на сидящего в кресле Фолби. Потом отыскал глазами Гамильтона. – И на следующем пункте не появилась!!

– О, господи! – Фолби схватился за сердце рукой. – Кто проехала? Куда проехала? Шеф, не велите ему так пугать животных.

– Каких животных?

– Пойдем, покажу. – И прежде чем взбудораженный парень успел разглядеть лежавшие на столе предметы, сержант подвел его туда и резко ткнул физиономией в один из пакетов, нос в нос со змеиным черепом.

– Ва-а! – заорал несчастный. – И-и-и!

– Прекрати немедленно, Майкл! – рявкнул Гамильтон. – Нашли время для шуток.

Он подождал еще чуть-чуть, пока сотрудники дохохочут, и коротко рассказал о странной машине со змееловом.

– Интересный поворот событий, – в наступившей затем тишине задумчиво произнес сержант, – ведь в нашем округе отлов змей запрещен уже несколько лет. И все профессионалы об этом отлично знают... Будем брать? – он выжидательно посмотрел на лейтенанта.

– Да. Из засады. Он обязательно нужен с поличным. – Гамильтон посмотрел в окно, где солнце хоть и светило ярко, но все-таки уже снижалось к горизонту, потом взглянул на часы: – У нас не более часа на подготовку, в сумерках он вернется с охоты.

* * *

Машину им удалось найти довольно быстро – сначала увидели следы от покрышек на грунте при съезде с автостреды, а вскоре за холмами обнаружился и сам автомобиль.

Обложили его по всем правилам и очень быстро. Гамильтон не без удовольствия отметил слаженные действия своих подчиненных, а значит, и свою хорошую работу по подготовке сотрудников. К тому же страшная гибель двух неповинных сограждан подстегивала и ожесточала людей. И эта засада была их единственной зацепкой – прочесывание города ни к чему не привело: змеи-убийцы как сквозь землю канули.

Психологическая подготовка к засаде настраивает на длительное ожидание, и это – самое скверное в подобных делах. Однако сегодня им будет гораздо легче – преступник обязательно явится, и не позднее того времени, когда сумерки совсем стугнутся. Но это не мешает двум наблюдателям заранее обнаружить его через приборы ночного видения, а скрип шагов по песку будет слышен им всем за много десятков метров.

Сам Гамильтон вместе с Терье, которого он на всякий случай решил держать к себе поближе, расположился у колес фургона. По его сигналу Дик должен дать мощный свет и, следуя ему, сработают все боковые прожектора.

Пошли тоскливые минуты ожидания, тягуче складываясь сначала в первые полчаса... час... полтора. Сумерки постепенно стали замазывать воздух своей полупрозрачной акварелью.

Молчание – закон.

Наверно, не очень легкий для Дика: Гамильтон несколько раз чувствовал, как тот напрягает все силы, чтобы не прошептать ему что-то на ухо. Он мысленно улыбнулся и подумал, что наступает, пожалуй, наиболее ответственный момент – небо совсем почернело и темень пошла на землю.

И тут же его браслет издал тихий журчащий звук! Значит, служба ночного видения обнаружила объект!

Терье тоже услышал сигнал и сразу же так напрягся, что Гамильтону пришлось чуть заметно похлопать его по спине, давая понять, что важнее всего спокойствие.

Спокойствие... ему ведь тогда было почти столько же лет, как и Дику. Они тоже поднимались из засады, но преступник успел высадить в ответ всю обойму, и его ровесник упал рядом, скорчившись, судорожно хватаясь за живот. Фрэнк перевернул товарища на спину и увидел страшный, кровавый, плывущий изо рта пузырь и мертвые застывающие глаза.

Он еще раз чуть заметно похлопал Дика, оставив руку на его плече.

Теперь стал отчетливо доноситься хруст далеких шагов, спокойных, размеренных.

Гамильтон прекрасно ориентировался в звуках ночной пустыни и мысленно зафиксировал расстояние. Было уже довольно близко – метров около пятидесяти. Теперь важно не ошибиться и вовремя дать сигнал. Надо считать шаги... десять... двадцать... тридцать... сорок... Давай!

Он скомандовал, уже срываясь с места, чтобы выиграть драгоценные мгновения и взять живым того, кто несет с собой смерть!

Человек вдруг оказался в самом центре света, поразившего его и принудившего закрыть лицо рукой.

– Руки за голову!! Немедленно!! Стреляю!!

Человек выпустил из второй руки мешок и двинул ее к бедру, но был в тот же миг сбит на землю настигшим его лейтенантом.

– Не двигаться!!

Неизвестный неуклюже барахтался на земле, с трех сторон подбегали полицейские, и Гамильтон уже мог, скосив глаза заметить, что в большом прочном мешке что-то рвется и дергается. Где-то недалеко, снимая все на кинопротокол, шуршала камера.

Щелкнули наручники, человек уже стоял, придерживаемый двумя полицейскими. Его широкополая ковбойская шляпа налезла на лоб и совсем закрыла лицо... Сержант уже вытащил у него небольшой пистолет.

– Между прочим, – прохрипел незнакомец, – я имею разрешение на оружие.

Гамильтон рассматривал его несколько секунд, а потом сделал шаг и резко сбил шляпу на затылок.

Исподлобья на него взглянули маленькие серые глаза, без вражды или боязни, лицо совсем незнакомое – лейтенант мог поручиться, что никогда не видел этого человека в городе. Значит, он наверняка не местный житель.

– Мы что же, – спросил Фолби, кивая на живой мешок, – и эту дрянь потащим к себе в управление?

– Нет, конечно, надо их немедленно выпустить. – Однако, поскольку Гамильтон не сказал, кому именно это надо сделать, никто и не двинулся.

Что-то вроде каверзной усмешки мелькнуло на лице змеелова:

– Если никто не возражает, – медленно выговорил он, – я сделаю это, не снимая наручников.

И поскольку никто не возразил, он нагнулся и потянул за конец бечевки. Люди, отступив на пару шагов назад, образовали большой полукруг, а в руках сержанта блеснул револьвер.

Сорвав бечевку, змеелов тут же уцепил мешок за нижний угол и опрокинул его в свободную от людей сторону.

– Не бойтесь, – хриловато прожурчал его голос, – сейчас им не до вас.

На землю вывалились две крупные гадины и беспорядочно завозились, путаясь в собственных кольцах. Яркий свет ослепил их абсолютно черные ничего не видящие глаза, бессмысленные и не знающие страха, потому что в этом мире для них не было врагов. В нем жили только они и их будущие жертвы.

Понемногу сориентировавшись, они начали отползать в пустыню, и лейтенант сделал знак не мешать им в этом.

* * *

В кабинет Гамильтона, кроме него и Фолби, ввалилось еще несколько человек, но он возражать не стал – понятное и заслуженное любопытство.

Арестованного посадили как и положено – на стул напротив. Сбоку от лейтенанта, по обычаю, сел сержант. Остальные – кто где.

Гамильтон не спеша рассмотрел изъятые при обыске водительские права и кредитную карточку. Сумма стояла порядочная, да и автомобиль у этого человека совсем не из дешевых. Он нажал кнопку на панели и произнес:

– Ваши показания будут фиксироваться на магнитную ленту, что является официальным протокольным свидетельством для судебных органов. Кроме того, обязан сообщить, что все ваши ответы могут быть использованы против вас.

Лейтенант сделал небольшую паузу.

– Назовите полное имя и фамилию.

Незнакомец назвал, и это вполне соответствовало тому, что значилось в документах.

– Ваш возраст?

– Пятьдесят два года.

Похоже было, что не меньше. Гамильтон внимательно всмотрелся в его лицо.

Узкое с морщинами вокруг тонкогубого рта, нос вытянутый с горбинкой, белесые негустые волосы, но главное – глаза – маленькие, глубоко посаженные, без признаков страха или робости.

– Основной род занятий?

– Собственно, я мог бы ответить, что это не ваше дело, но если вы будете любезны и снимете наручники...

Строго говоря, в наручниках уже не было никакого смысла, Гамильтон кивнул, и их быстро сняли.

Человек удовлетворенно погладил запястья:

– Я владелец двух кафе, – он назвал город, – это в ста пятидесяти милях отсюда.

– Мы знаем, где это, – проговорил лейтенант, – а к нам сюда зачем пожаловали?

Человек оскалился:

– Хобби, решил вот заняться змеями.

– Лицензию имеете? На отлов?

– Имею два кафе, я же сказал. И очень неплохих. – Он весело посмотрел на Гамильтона, давая понять, что и не думает скрывать главный способ своих доходов и унижаться перед всякими. И видимо, чтобы окончательно это подчеркнуть, добавил: – Кажется, я слышал, что отсутствие лицензии карается штрафом в три тысячи долларов. Что ж, если так, я готов подвергнуться этому наказанию.

Гамильтон сочувственно покачал головой и еще раз внимательно рассмотрел задержанного.

Этот человек определенно ему очень не нравился. С самого начала. И дело тут было не в самоуверенности и даже прямом нахальстве. Этим его давно уже нельзя было вывести из равновесия. Не нравилось то, что поведение пойманного было чересчур убедительным.

Гамильтон примерно знал, какие деньги зарабатывают нелегальные змееловы. Знал, что занимаются этим настоящие мастера и яд они сдают в особые частные фармацевтические заведения по очень высоким ценам без всякого оформления сделок, налогов и прочего. Сухой змеиный яд в десятки, а иногда, в зависимости от качества, в сотни раз дороже грамма золота. Конечно, у такого специалиста со временем хватит денег на покупку кафе или ресторана и штраф в три тысячи долларов – не велика беда. Но все-таки, зачем ему так открыто подчеркивать свою личность и злить полицию? Зачем нужно было после вчерашней проверки на автостраде сегодня снова приезжать ловить змей на тот же участок? Места в пустыне мало? Человек с таким опытом должен был учитывать, что полицейский может распознать его. К чему же риск? Ведь это только в первый раз нарушитель наказывается на три тысячи, а при повторе – минимум год тюрьмы и двадцать пять тысяч долларов штрафа. Он что же, собирается закончить со своим ремеслом или он не тот, за кого себя выдает?

И, будто читая чужие мысли, незнакомец вдруг произнес:

– Жаль, конечно, три тысячи для меня тоже деньги, но может быть это к лучшему – я уже начал понимать, что змеи – не очень подходящее для меня занятие.

Надо было менять режим допроса. Гамильтон скосил глаза на сержанта и тот, потянувшись в кресле, начал не спеша подниматься.

– Ну-да, – лениво проговорил он, – со змеями такая возня, что хуже некуда. Я в детстве тоже держал ужа, – он подошел к человеку и посмотрел на него сверху вниз, – и черепаху!

– Причем здесь черепаха, – вздрогнув от неожиданности, пробормотал тот.

– Вот именно не причем, – Фолби обошел стул и начал не торопясь прохаживаться сзади, – уползет себе куда-нибудь, и черт с ней, потом соседи принесут или сама отыщется. И никто не в претензии. – Он вполне фамильярно положил сзади руку на плечо змеелова. – А ты ведь не черепах распускал, ты после дойки яда змей прямо в городе сбрасывал. Дескать, сами уползут, да? А они вот сделали нам два трупа – маленькой славной девочки и старика, поившего полгорода пивом. Такой пустячок. Для тебя. Но прости, не для нас, дружочек. Так что отвечать ты будешь не только за незаконный промысел, – Фолби похлопал его по плечу, – а за смерть двух людей. И твоему адвокату еще надо будет доказывать непреднамеренность действий. Вот так, дорогой мой. Если не возражаете, господин лейтенант, его сразу можно засунуть в камеру, а завтра отправить в столицу штата – пусть там заканчивают, награды зарабатывают и чины.

– Что он говорит, а? – человек попробовал вскочить, но мощная лапа сержанта без труда приковала его к стулу. – Что он говорит?! – его маленькие зрачки злобно впились в Гамильтона. – Да пишите что хотите на свой магнитофон, мне плевать! Все равно ничего, кроме штрафа, суд мне не сделает. – Он быстро взял себя в руки. – И ты там, сзади, – человек чуть

повернул голову, – запомни, я не меньший христианин, чем ты, и близко не сведу змею с человеком!

– Ты такой же христианин, как и я? – спокойно и почти ласково спросил сержант.

– А как ты думал, сукин сын?

– Майкл! – крикнул Гамильтон, но опоздал на полсекунды. – Майкл, честное слово – это безобразие!

– Ничего, – неожиданно произнес задержанный, поднимаясь, садясь на стул и потирая шею, – мне самому вряд ли следовало переходить на брань. – Он помолчал и добавил: – Если у вас в городе два трупа от змеиных укусов, лучше бы поговорили со мной без запугиваний. Я двадцать пять лет занимаюсь змеями и мог бы быть полезен. Но только без этих глупостей – я змей в городе не сбрасывал. И для протокола больше ничего не скажу. Если хотите по-человечески, убирайте эту пленку. – В воцарившейся тишине он выразительно посмотрел на бутылку с минеральной водой, и когда кто-то подал ему стакан, с удовольствием выпил.

Гамильтон, как и любой полицейский со стажем, множество раз был свидетелем «откровений» со стороны преступников и хорошо знал им цену, но все-таки, поколебавшись, нажал на кнопку, вытащил кассету и помахал ей в воздухе:

– Там пусто.

– Я вам верю... Так вот. Я змеями занимаюсь уже двадцать пять лет. То есть как профессионал-одиночка. А до того еще несколько лет учился этому мастерству у других, поэтому очень хорошо знаю и змей и змееловов.

Он помолчал, ожидая вопросов, и, не дождавшись, продолжил:

– Крупных змей с хорошим ядом сейчас в пустыне немного и становится год от года все меньше. Вы говорите – кто-то выбрасывал их в городе? – Он нервно качнул головой. – Ни один змеелов такого не сделает. Змея – это наш капитал. И после того, как у нее выбран яд, ее обязательно отпускают на то место, где она жила и где ее со временем можно будет найти. – Он покосился на лежавшую на краю стола кассету. – Скажу вам, чего вы, возможно, не знаете – змееловов совсем не мало, спрос на яд растет, а змей совсем немного. Пустыня поделена, каждый работает на своем участке и не обидит там даже змееныша.

– Хорошенькое дело, – сказал Фолби, – не так уж, значит, и пустынна наша пустыня?

– Не так уж. Теперь еще один важный момент. Змея долго набирает яд – три-четыре недели. Значит, если бы какой-то дилетант, взяв яд, выпустил змей в городе, они поначалу бы не были смертельно опасны для человека.

– А разве змея не может накопить яд, проживая на городских газонах, в траве, кустарниках? – спросил Гамильтон.

– Может, но странно, что ни одна из них не была обнаружена за это время.

– Почему странно, ведь, побывав в руках у человека, они могли быть напуганы и где-нибудь таиться?

– Вот это вряд ли. Претерпев насилие, гремучая змея становится очень злой, подвижной, в особенности в чужом, враждебном для нее месте. Кроме того, можете мне поверить, она прекрасно ориентируется, хотя никто не знает как. Змеи стали бы прорываться к себе, в пустыню.

Гамильтон встал из-за своего стола и направился к другому, за спиной змеелова, где в прозрачных целлофановых пакетах лежали обугленные скелеты.

– Подойдите-ка сюда. Вас это может заинтересовать.

Тот встал и, разминая ноги, направился было к столу, но неожиданно замер:

– Боже... что это?.. Кто это сделал? – проговорил он, оглядываясь назад на полицейских.

Гамильтон заметил в его лице нечто новое, похожее на растерянность.

– Они, что, представляют интерес для гурманов? – спросил он застывшего посреди комнаты человека.

– А? – через несколько секунд переспросил тот.

– Их едят?

– Не думаю. То есть индейцы их раньше ели, и мне самому один раз пришлось попробовать... – человек продолжал смотреть на обугленные скелеты как загипнотизированный. Потом скривил болезненно губы и повернулся к Гамильтону: – Но если бы какие-то клубы гурманов заказывали их, уж я-то за столько лет работы слышал бы о таком.

Он снова посмотрел в ту сторону:

– Постойте! Взгляните, если бы их готовили в пищу, то наверно бы расчленили – порезали поперек на куски. А скелеты целые. Что же их целиком от головы до хвоста глодали?

* * *

За окном давно царил вечер, скоро нужно было заканчивать работу и закрываться.

– Зайди, пожалуйста, Энн, – попросил ее отец по селектору.

В его кабинете торчал Барток. Видимо, разговор между ними подошел к концу, и оба были очень довольны, потому что их смех она слышала еще прежде, чем вошла.

– Ты, конечно, не видела мой сегодняшний вечерний выпуск? – Барток протянул ей сложенную вдоль газету.

– Да я никаких твоих выпусков не читаю, – она небрежно развернула газету и сразу наткнулась на огромный заголовок: «НАШЕСТВИЕ ГРЕМУЧИХ ЗМЕЙ НА ГОРОД», и ниже, но тоже крупным шрифтом – «ДЕТИ, СТАРИКИ И СОБАКИ – ТОЛЬКО ПОЛИЦЕЙСКИЕ НЕУЯЗВИМЫ, НАВЕРНО ПОТОМУ, ЧТО ДЕРЖАТ СЕБЯ ОТ ЭТОГО ПОДАЛЬШЕ».

– Ну как? – довольно осведомился Барток.

– Круто подано, а? – тоже с очень довольным выражением вставил отец.

Она тут же швырнула газету на стол.

– И вы для этого меня позвали?

– Нет, Энн! – отец встал и снова, развернув газету, показал ей фотографию чего-то похожего на одноствольное охотничье ружье, но с очень странным обрезанным стволом. – У Эдда гениальная идея, – отец постучал пальцем по фотографии, – эта штуковина бьет дробью и с пятнадцати метров разносит в клочья любую мишень. Каждый не умеющий стрелять человек может спокойно прибить гремучку даже не целясь! Я уже сделал заказ на оптовую партию в сорок тысяч штук, вот почему нам полезно, чтобы публика была слегка подогрета газетными новостями. К тому же, мы не сделаем этим ничего дурного, – он развел руками с выражением наивной простоты на лице, – разве плохо будет, если люди лишний раз подстрахуются?

– Все равно неприятно зарабатывать на несчастьях, папа.

Мистер Тьюберг выразительно изогнул брови, демонстрируя, что он и сам этому не рад, а Барток попросту хмыкнул и поспешил проститься.

* * *

Они так славно обо всем договорились со стариком Тьюбергом, что просто хотелось петь. Но прежде необходимо было заскочить в редакцию.

Там, за плотно закрытой дверью своего кабинета, Барток провел короткое, но очень важное совещание с двумя помощниками – ответственным секретарем редакции и еще одним особо доверенным сотрудником.

Речь шла о завтрашнем утреннем выпуске.

На столе уже лежала фотография мертвого пса, принадлежавшего родственнику секретаря и почившего в соседнем городе от какой-то случайной болезни. Очень выразительное цветное фото – серый с черными пятнами охотничий пес лежал на усеянной желтой листвой

траве с окаменело вытянутыми лапами и судорожно сжатыми веками. Ощущение возникало печальное, и Барток остался доволен.

– Отлично, – заявил он, – это на сто процентов годится! Теперь, вот какой должен быть сопроводительный текст: «... верный пес не позволил змее проникнуть в дом и вот, бедняга, поплатился»... А дальше, повышая тон: «Дескать, до чего в родном городе дожили! Ну ладно, сегодня спасла несчастная собака, а завтра кто?!»

Секретарь одобрительно хмыкнул.

– Теперь об этом мальчугане, – Барток взглянул на другого сотрудника, – кем он тебе приходится?

– Родным племянником.

– Твердый парень, не подведет?

– Можешь не сомневаться – лгун прирожденный!

– Отлично, тогда, значит, напишешь примерно так: «Мальчик выбежал утром делать зарядку, а в кустах – змея, и на него! Смелый мальчуган бросился в дом, схватил со стены отцовскую винтовку, но не попал, а змея, не будь дура, немедленно убралась. А если б парень палил из дробовика», – Барток довольно развел руками, – «которые как раз с утра завезли в магазин мистера Тьюберга... Причем недорого... Особенно для тех, кто ценит свою жизнь!» Все поняли, ребята? Ну действуйте, а я на заслуженный отдых.

– Нет, варит у него голова, – уважительно проговорил секретарь, когда за Бартоком закрылась дверь.

– Варит, – согласился сотрудник, – на пакости.

И оба засмеялись.

* * *

Барток любил свой одинокий дом, но спешил туда только в те, к сожалению, еще редкие дни, когда дела хорошо складывались, и ближайшее будущее окрашивалось розовым цветом. В такие моменты он всегда стремился поскорее вернуться, чтобы спокойно и с удовольствием подумать о хорошем. О плохом, или просто о нудных заботах лучше думалось в редакции, в маленьком, не очень удобном кабинете. Там все требовало усилий, и в такие вечера он подолгу задерживался на работе, неосознанно стараясь не вносить в дом серых тягостей.

Сегодня он спешил, сегодня был праздник!

Дело сделано беспримечательное. Уж он-то отлично знал – что в этом городе завтра начнется.

Паника!

И все будут хватать тьюберговские ружья – лежалое старье, которое тому достанется почти даром, а продано будет по очень хорошим ценам. И двадцать пять процентов прибыли получит он, Барток. За отличную идею и отменную психическую обработку населения.

О той сумме, которую завтра старик Тьюберг переведет на его счет, ему нельзя было и мечтать. И вот, как с неба свалилось!

Это нужно было отметить.

Он не слишком тяготел к еде и напиткам, но всегда имел дома небольшие запасы деликатесов, как частичку дорогого благополучия, на которое он в силу редких обстоятельств может возыметь заслуженное право.

Он быстро и аккуратно переоделся, зажег в столовой яркий свет. Потом достал и расстелил красивую новую скатерть.

В шкафчике уже полгода стояло коллекционное красное калифорнийское вино, и он собирался сохранить его до Рождества или Нового года, но не было нужды больше ждать. Теперь он часто сможет покупать себе такие штучки. Когда захочет.

Тут же на столе появились отменные сардины и толстый кусок замечательной немецкой колбасы, настоящей, из-за океана. Когда он начал ее резать, белая обкладка сама сползла с темно-розовых кружочков, и воздух пронзил тончайший аромат – как будто все лучшие копчености мира собрались вместе, чтобы удивить и порадовать человека. Германцы – старая нация, и все, что они делали, передавалось и улучшалось из века в век – все, от роскошных готических храмов до колбасы.

Он всегда хотел посмотреть Германию, да и вообще Европу, но даже не планировал этого на ближайшие годы. Теперь вот поедет и посмотрит.

Ему вдруг захотелось поскорее выпить за это за все. И, откупорив бутылку, стараясь быть аккуратным, он быстро налил почти до краев высокий слегка расширяющийся бокал.

Прекрасное вино было очень темным и загадочно-прозрачным, казалось, что там внутри, в бокале, безмерная глубина, таинственный и манящий мир. Он поднял бокал выше к свету, и новые искристо-розовые оттенки заиграли по его краям, там, где вино сливалось с хрустальными стенками бокала.

Что-то скрипнуло в соседней спальней комнате... ну да, ветер качнул фрамугу... кстати, сколько лет вину? Он поставил нетронутый бокал и взгляделся в яркую этикетку – одиннадцать лет. Он так примерно и думал. Но снова скрипнуло в соседней комнате... конечно, осень. И начинаются обычные нудные ветра. Рано для них еще. Он протянул руку к изящной хрустальной ножке бокала, но что-то не понравилось ему вдруг.

Он ведь запирал сегодня в спальне фрамугу! Да, он всегда это делает уходя.

Теперь какой-то легкий шорох... шаги... Или это показалось? Да нет же, как будто что-то действительно еле слышно движется... совсем близко, у него за спиной.

– Что там за чепуха! – досадливо произнес он вслух и собрался обернуться.

Но пол неожиданно качнуло, и воздух поплыл как раскаленный на жарком солнце. «Землетрясение! – сразу подумал он. – Надо бежать на улицу!»

Он хотел... но не смог, и понял вдруг – почему. Гигантские иглы впивались с двух сторон в его шейные позвонки, пронзали тело до самых ног. Боль вмиг проникла в голову и сразу сковала ее. И неожиданная и страшная мысль, что его убивают, заставила в страшном напряжении искать немеющей рукой по скатерти нож, чтобы ударить назад... во врага... теряя сознание он зацепил бокал, судорожно переломив его тонкую длинную ножку...

* * *

После того, как змеелова увели, сотрудники тоже разошлись по рабочим местам и в кабинете остались только Гамильтон, Фолби, да Дик Терье, который околачивался у противоположного стола, рассматривая целлофановые пакеты с выгоревшими змеиными трупами.

Все молчали, ожидая, когда дежурный, запросив Федеральную информационную службу, доставит полные данные о змеелове, если у них, конечно, там что-то есть на него.

Вскоре поступила стандартная распечатка, согласно которой задержанный не числился среди лиц на полицейском учете. Кроме того сообщалось, что его имя, возраст и другие данные, согласно общей гражданской картотеке, сходятся: женат, сын-студент, владеет двумя небольшими кафе. Исправный налогоплательщик. К тому же, имеет собственный дом с участком в два акра и неплохой пай в крупном ремонтном бюро легковых автомобилей.

– Послушай, Фрэнк, – осторожно произнес Фолби, – ну за каким хреном такому серьезному мужику подбрасывать к нам в город змей?

– ... никогда не обращался к психиатрам, – спокойно дочитал справку Гамильтон. И, повернув голову в сторону Терье, вдруг несколько раздраженно спросил: – Что ты там делаешь, Дик?

– Да так... смотрю...

– Может быть, змеи все-таки попали в город через автостраду, минуя заградительную сеть? А, Майкл? – спросил в свою очередь Гамильтон.

– Да не могли они этого, чтоб мне не сходя с места провалиться! Не могли!

– Ну ладно, объясни-ка тогда вот такую вещь. Миссис Коули совершенно категорически утверждает, что плотно прикрыла за собой входную дверь, когда покидала ресторан. Все другие служебные двери уже были закрыты на ключ к тому времени. Коули всегда сам все проверял после ухода служащих. Так вот объясни, каким образом змея оказалась в зале?

– Может быть, проскочила, когда шла уборка – люди входили и выходили.

– Ну да, и никто не заметил двухметровое чудовище с погремушкой на конце. А на свет и шум она полезла потому что уж очень ей хотелось пивка попить, да?

– А что ты ко мне пристал! – неожиданно вскинулся Фолби. – Я ее, что ли, туда принес?

– Не кричи на начальника – это дурной пример для молодого поколения, – с еле уловимой иронией, но вполне примирительно проговорил лейтенант.

– Я же не говорил, что змеи пришли сами, – тоже уже спокойно произнес сержант, – ну очень уж непохоже, чтобы этим занимался такой мужик.

– Да, совсем непохоже, – неохотно согласился Гамильтон и тут же, подвинув свежую вечернюю газету поближе к сержанту, ткнул пальцем в громадные заголовки. Фолби наклонился и покачал головой.

– А это как тебе нравится? – лейтенант показал на крупно изображенный внизу газеты короткоствольный дробовик.

– «С тридцати метров, – прочитал из-за его плеча сержант, – вы уложите любую змею, не боясь причинить вред окружающим». Я что-то вообще не знаю этого оружия, – добавил он.

– А мы сейчас посмотрим, – лейтенант подошел к полке, взял толстый справочник и, снова усевшись в кресло, начал листать.

– Вот, – вскоре объявил он. – Предназначался для коммунальных служб, главным образом для уничтожения крыс в городских трущобах. Уже пятнадцать лет не применяется. Примерная цена того времени – 120 долларов.

– А здесь они, – Фолби заглянул в газету, – предлагают это залежалое старье за 590. Ну что ж, несколько миллиончиков папаша Тьюберг положит себе в карман. И, надо думать, Бартоку отстегнет немало.

Лейтенант мрачно кивнул, и тут они оба взглянули на Дика, который продолжал свои пристальные разглядывания змеиных останков.

– Послушай, малыш, – спросил Фолби, – похоже, тебе приятно любоваться этой пако-стью?

– Как, сэр?

– Да я говорю, не извращенец ли ты у нас? Ну, как тебе объяснить – может быть, у тебя такие сны бывают – идешь по городу и вдруг обнаруживаешь, что на тебе нет штанов. Или хочется иной раз сделать самому себе больно, ну половые органы дверью слегка прищемить или что-нибудь в этом роде?

– Э... неловко даже такое слушать, сэр, ей-богу неловко. Вы бы лучше с господином лейтенантом подошли сюда. Мне кажется, я что-то заметил. Немаловажное...

Оба поднялись, устало и неохотно.

– Фу, гадость, – подходя, процедил Фолби.

– Посмотрите, пожалуйста, на змеиные черепа.

Даже сейчас эти мощные треугольные конусы с пустыми выгоревшими глазницами и длинными загнутыми зубами вызывали легкий озноб. Вся цель создавшей их природы, казалось, состояла исключительно в том, чтоб сотворить орудие убийства – стремительное и беспощадное.

– Ну, в чем проблема, Дик? – спросил Гамильтон.

– А вот, присмотритесь, – тот ткнул концом шариковой ручки в основание черепа, – видите, вот последний позвонок, который крепит затылочную часть, а дальше странный треугольный пропи́л.

На обгоревших костях трудно было что-либо заметить, но, присмотревшись, Гамильтон увидел действительно странную прорезь почти до трети длины черепа.

– Там у дежурного должны быть резиновые перчатки, – совершенно равнодушным тоном сообщил он.

– А? – неуверенно переспросил Терье.

– Ага, сынок, – Фолби сочувственно похлопал его по плечу, – у тебя отменный талант натуралиста. Действуй дальше.

Терье вернулся через минуту, надевая на ходу красные резиновые перчатки. Он развязал пакет и осторожно взялся за ту часть змеино́го черепа, что была подальше от зубов. Череп легко отделился. Теперь профессиональный интерес полицейских отогнал брезгливость и все трое стали внимательно всматриваться.

Без особых знаний анатомии они быстро поняли, что искусственный подпил черепа для того и нужен был кому-то, чтобы снять его с позвоночника... и совершенно то же самое у другой змеи.

– Молодец, Дик, – похвалил Гамильтон, – отличная наблюдательность.

– Так-то оно так, – сержант вернулся на свое место в кресло сбоку от стола начальника, – но для чего это делалось?

– Значит, хотели вынуть мозги, никакого другого объяснения тут не придумаешь, – тут же ответил Терье.

– А какие у этой дряни вообще могут быть мозги, – проворчал сержант. – Может, вызвать этого змеелова, шеф? Узнать, что он об этом скажет?

Лейтенант чуть подумал и отрицательно pokrутил головой:

– Завтра мы с ним, конечно, поговорим об этом. – Он устало прошелся по комнате. – Город весь прочесан, пока вроде бояться нечего. Пусть эксперт задержится и осмотрит целлофановые мешки, нет ли там каких-либо отпечатков пальцев или чего-то характерного, хотя я почти уверен, что ничего такого там нет.

Их рабочий день закончился, но в дверь вошел кто-то из полицейских с канцелярской папочкой.

– Вот, господин лейтенант, из архива. Вы заказывали.

– Что это? – удивленно спросил Гамильтон – Ах ну-да, он совсем забыл: «Дело Маргарит Хьюз». – Спасибо, положите на стол. Ну, ладно, ребята, мне надо кое-что почитать. Отправьтесь отдыхать до завтра.

– Если ночью ничего не произойдет, – сверкнув белками, выдал Терье. Его по-мальчишески увлекала эта странная история.

– Ничего не произойдет этой ночью, – подталкивая его в спину, сообщил Фолби, – а знаешь что произойдет завтра вечером?

– Что?

– «Быки» обыграют «Феникс», и значит – закончится борьба за кубок.

– Спорить могу, что не обыграют! – взвился Терье, но Гамильтон не услышал продолжения, даже если бы ему этого хотелось. Спор перешел в соседнюю дежурную комнату.

– А на что ты можешь спорить, сынок? Ты еще и первой зарплаты не получил, да и брать с тебя деньги мне неловко. Знаешь, – Фолби внимательно посмотрел на Дика, – эй, ребята! – дежурный и еще двое полицейских с любопытством подошли поближе. – Вот если «Быки» завтра выиграют у «Феникса», этот малый сострижет свои кудряшки под ноль, чтобы голова сверкала как зеркало. Согласен, Дик?

– Согласен! Ну, а вы... э... – все засмеялись, а Фолби довольно погладил свою и без того лысую голову, – а вы пройдетесь босиком по всему полицейскому управлению, вот!

Фолби добродушно и несколько пренебрежительно протянул руку:

– Согласен, разбейте кто-нибудь, ребята.

* * *

Письмо значилось под седьмым номером в списке «Дело М.Хьюз». Фрэнк отлистал десяток страниц и увидел вшитую в папку желтоватую бумажку форматом поменьше обычного листа. Чисто профессионально он сразу осмотрел ее другую сторону и увидел, что это бланк в прачечную. Мать Гильберта просто использовала его обратную чистую сторону. Видно – первая попавшаяся под руку бумажка... Когда вдруг пришло решение, что жить дальше нельзя.

Фрэнку совсем не хотелось читать. И в принципе, согласно правилам, он совершенно не должен был этого делать. А следовало просто изъять письмо из «Дела» и официальным уведомлением переслать его Гильберту. И так, конечно, нужно было поступить... но Фрэнк слишком помнил тот день, когда он спешно надевал траурный костюм и неуклюже старался завязать отцовский черный галстук – вся семья была тогда на отдыхе в Майами – потом, как положено обрядившись, он, торопясь, пошел по переулкам, чтобы не опоздать к похоронам. Он думал, что друзья, соседи, школьники их класса уже направились туда. Фрэнк всю дорогу опасался насчет того, что правильно одет, и не был уверен, что нескольких его собственных долларов хватит на приличный букет белых роз. Он мало знал покойную миссис Маргарет, но Гильберт говорил, что ее любимыми цветами были именно эти.

Он тогда так торопился, что порой перебегал через лужайки перед чужими домами, извинительно кланяясь. А потом, слегка задохнувшись, выскочил за угол и увидел в ста метрах от себя уже двинувшийся катафалк, за которым... шел один Гильберт... И он застрял на этом проклятом углу.

Сколько бы он отдал, чтобы догнать тогда и пойти рядом.

На стыд всему городу, погубившему эту пусть странную, но незлобивую работающую женщину, не мешавшую ведь никому.

А он струсил, остался за углом.

И на следующий день, когда Эдд Барток пустил какую-то шутку насчет вчерашних похорон, а Фрэнк бросился на него и завязалась драка, в душе он рад был, что их быстро растащили, хотя нужно рвать все дурное на куски. А теперь этот гад зарабатывает на том, что устраивает панику в городе. Он набрал домашний телефон Эдда, но к телефону не подходили, и он довольно быстро положил трубку. Нет, так тоже нельзя – спускать всех собак на случайного человека. Он вдруг вспомнил всякие глупости: что их дни рождения совпадают, что Эдд никогда не был жадным, бескорыстно помогал подработать другим мальчишкам, сам никогда не торговался за собственный труд... И что он ему скажет? Что нельзя зарабатывать на том, что в городе беда? А Эдд спросит – что именно он, Гамильтон, главный полицейский города, сделал, чтобы ее ликвидировать? Тоже выходило глупо.

И вот письмо.

Фрэнк еще некоторое время потянул, зачем-то заглянув в ящики, где ничего нужного для него сейчас не было, потом быстро начал читать.

Почерк был крупный и разборчивый, но, вместе с тем, очень торопливый.

Милый сын

Прости, пожалуйста. Я уверена, что только в этом – единственный выход. Когда ты совсем повзрослеешь – обязательно поймешь, что тебе это не могло причинить большого вреда. Прости, у меня нет времени.

Твоя мама

Было отчетливо видно, как в слове «Твоя» дрогнула ее рука. Она уже была ни там, ни здесь. И ей не хватало времени. Нужно было уходить. Туда. Где она уже переставала быть матерью своего сына.

Гамильтон осторожно вынул письмо из папки, сложил его вчетверо и поместил во внутренний карман полицейского пиджака.

* * *

Дома Гамильтон выпил стакан минеральной и бухнулся в кресло. Есть совсем не хотелось. Он собрался выпить еще воды и уже налил в стакан, когда вспомнил, что так и не позвонил сестре и матери. И это уже становилось неприлично.

Подошла сестра.

– А мама? – спросил Фрэнк.

– Ты знаешь, у нее что-то вроде легкого гриппа и она пораньше легла.

– А, ну и к лучшему.

Фрэнк быстро рассказал, что у них творится. Сестра почти все время молчала. И только спросила, как чувствует себя Мэри и положил ли он венок на могилу ее крестной Джейн.

– Положи, пожалуйста, еще один, из красных роз, когда пройдет сорок дней, – попросила она, – я вышлю деньги.

– Не вздумай, – возмутился Фрэнк. – Ей богу, не хотел взваливать на тебя рассказ об этом всем для мамы, но видишь, как получилось. Придется тебе это сделать.

– Ничего, – спокойно ответила сестра.

Фрэнк слишком хорошо знал ее характер, и это спокойствие не обманывало – она будет плакать потом, долго, наверно всю ночь.

Положив трубку, он застыл в кресле.

Надо было встать, переодеться, поесть все-таки, и лечь спать. Со снотворным.

Если нет никаких идей и ничего не можешь сделать, надо просто копить силы на будущее. В последние годы он прекрасно усвоил эту привычку.

* * *

Он всегда отлично высыпался после снотворного, но в отличие от обычного пробуждения, приходил в себя в таких случаях не сразу. Нужно было еще пару минут, потягиваясь, посидеть на краю кровати, пройтись вполне бесцельно по квартире, и только потом начиналась обычная зарядка, душ и прочие утренние дела. А главное, голова в это время, как говаривал все тот же Фолби, «должна очувствоваться». Но только он сбросил с себя одеяло, позвонил дежурный из управления и ошарашил: «Укушена насмерть еще одна собака. А в другой части города мальчик, увидев гремучку на своем участке, стрелял в нее из отцовского ружья, но не попал».

– Сейчас буду, – ответил Гамильтон и уже через минуту выскочил из дома.

Вскоре после его прибытия в управление ситуация стала проясняться. Полицейская система заработала вовсю, и быстро выяснилось, что стрелявший в змею мальчик приходится родственником одному из сотрудников Бартока.

Гамильтон набрал номер и потребовал главного редактора. Его на месте не было – сказали, что наверно очень скоро будет, потому что домашний телефон молчит.

– Ответственного секретаря давайте, – холодно произнес лейтенант.

– Я слушаю.

– Где та собака, которая была укушена ночью?! Нам необходимо провести экспертизу.

– Видите ли, – неуверенно заговорили на том конце, – это моя собственная собака и она уже похоронена.

– Ничего, мы отроем, – уже ни в чем не сомневаясь, заявил Гамильтон, – сейчас за вами приедет полицейская машина.

– Видите ли, – после небольшой паузы еще менее уверенно произнес голос...

– Вижу! Сейчас за вами приедут. Но прежде, чем покажете могилу собаки, дадите расписку об ответственности за дачу ложных показаний – это год тюрьмы, в случае чего...

– Мистер Гамильтон, господин лейтенант! – Тут же заговорил человек. – Мы подневольные люди, вы же понимаете! Я не хотел, и эта собака умерла две недели назад своей собственной смертью.

Гамильтон прикрыл трубку рукой – в комнату ввалился Фолби.

– Все врет противный мальчишка, – поняв вопросительный взгляд начальника, тут же проговорил он. – Ни в кого он не стрелял – этакая маленькая каналья!

– Ну вот что, – сказал Гамильтон в трубку, нервно вздохнувшую на другом конце, – если через сорок минут Барток не явится ко мне в управление, я направлю официальное донесение в городской суд, и можете не сомневаться – вашу газету закроют, да еще со штрафом, на который уйдет все ваше редакционное имущество!

* * *

Город с утра встал в очередь за оружием.

Многие брали по два-три ствола – для себя и членов семьи.

Папаша Тьюберг был в полном восторге, тем более, что люди требовали большой боекомплект, и он уже послал грузовичок за дополнительной партией патронов. Что называется – действительность превосходила ожидания.

– Все как по маслу! – не скрывая своего настроения, произнес он, входя в контору. – Битва решена, и мы победили! Только у меня как у Наполеона, ха-ха, во время решающего сражения появился насморк. И, черт возьми, забыл дома платок!

– Вот тебе мой, – Энн протянула ему красивый сине-белый четырехугольник, – он совершенно чистый.

– Спасибо, дорогая! Ты прости, но тебе надо будет сегодня чуть задержаться. Сама понимаешь, какие у нас финансовые дела.

– Хорошо, папа, – ответила дочь, довольно, впрочем, холодно, – я доведу все до полного порядка.

– Ну отлично, я вернусь в торговый зал.

Помимо самой продажи дробовиков тут же в зале двое сотрудников проводили для всех желающих бесплатный инструктаж, хотя оружие было совсем простым и особых навыков не требовало.

Посуетившись около часа в зале, Тьюберг полез в очередной раз за носовым платком, но, порывшись в карманах, его не обнаружил.

«Куда он делся?... Видно, обронил последний раз где-то у прилавка». Пришлось идти в галантерейный отдел и покупать там новый платок за собственные деньги. Он уже собрался высморкаться, но вдруг почувствовал, что насморк прошел сам собой. – «Нет, до чего же чудесный день!»

* * *

Их вызвали звонком из газеты. Дежурному сообщили, что, беспокоясь непривычным отсутствием главного редактора и следуя строгому указанию господина лейтенанта об его срочном розыске, кто-то из сотрудников заехал к Бартоку домой и, после безуспешных звонков в дверь, увидел его сквозь стекло бездыханным в одной из комнат.

Полиция тут же выехала двумя машинами.

Прежде чем войти, Гамильтон приказал внимательно осмотреть все вокруг: двери, окна, траву и дорожку к дому.

Дверь была прикрыта, но не заперта на внутренний замок. Окна были закрыты, и только пятисантиметровая щель оставалась над ведущей в спальную комнату, расположенной на двухметровой высоте, фрамугой. Гамильтон приказал уже проникшим в дом сотрудникам прикрыть ее изнутри, а потом, поднявшись на носки, надавил на стекло кончиками пальцев – фрамуга легко провалилась, образовав примерно такую же щель.

Тело Эдда было холодным – смерть наступила давно.

Квартиру начали аккуратно осматривать.

Эдд лежал лицом на столе, затылком кверху. И две тонкие черные запекшиеся струйки крови, уходя назад за воротник, очень четко обозначивались на шее.

На столе на светлой скатерти – темное пятно от разлившегося вина из сломанного бокала и кое-какая закуска...

По всему было видно, что он ужинал. Точнее собирался... один, без гостей.

– Если вам это важно, – сказал прибывший от Уолтера медэксперт, – я могу попробовать сделать анализ крови здесь, прежде чем мы заберем труп для полного осмотра к себе.

– Важно, – коротко ответил Гамильтон.

Разумеется, если это опять змея, она не могла проникнуть в дом через фрамугу, поднявшись на два метра по гладкой стене, и оконному стеклу.

– Осмотрите особенно внимательно все низы в помещениях, может быть, есть наружные вентиляционные отверстия.

В одном месте, на кухне, таковое вскоре действительно обнаружилось. Но это отверстие было напрочь закрыто мелкой стальной решеткой. Других не оказалось. Да и вообще не удалось найти никаких следов внешнего проникновения.

– Яд гремучей змеи, господин лейтенант, – объявил медэксперт, появляясь на пороге комнаты, – в большом количестве. Поскольку рядом головной мозг, – помолчав и разведя руками, добавил он, – смерть наступила очень быстро. Подробности чуть позже. Можно забирать труп?

– Можно, – мрачно кивнул Гамильтон. – Нет, погодите! Сержант, пусть-ка быстро доставят сюда змеелова. И без наручников.

Фолби вышел из дома. Тут же взвыли сирены одной из полицейских машин. А еще через десять минут в комнату входил осунувшийся небритый человек, без попыток изобразить дружелюбие на лице.

– Что это? – вздрогнув и неприязненно скосив глаза на Бартока, спросил он.

– Труп, как видите. Подойдите поближе.

Змеелов неохотно сделал еще два шага.

– Взгляните, – Гамильтон указал на две ранки на шее с запекшейся кровью. – Эксперт уже установил, что смерть наступила от укуса гремучей змеи.

Змеелов сощурился и оглядел комнату, потом снова повернулся к трупу.

– Подождите, – он напряженно сморщил лоб, – он что же был укушен вот так, сзади? Когда сидел за столом?

– Да, мы именно в этом положении его обнаружили.

– Чепуха какая-то. – Он раздраженно передернул плечами. – Змея не может ударить так высоко, да еще через спинку стула! Она не бьет выше паха. Да и то, когда ей некуда уже отступать.

– А прыгнуть она не могла?

Человек мотнул головой:

– Физически на это не способна. Гремучки не прыгают. – Он еще раз обвел глазами комнату: – Меня бы крайне удивило, если бы она подползла сзади и сама ужалила, ну, допустим, в ногу. С какой стати? Окажись она вдруг здесь, в чужой для себя обстановке, наверняка, прежде всего, забилась бы в угол, заняла оборону. Поймите, змеи, как и все животные, разумные существа. К тому же они пугливы... постойте! – Он вдруг стал присматриваться к ранкам на шее Бартока, а потом с расстановкой произнес: – Эт-то не укусы гремучей змеи.

– Правильно, – изобразив простецкую рожу, подтвердил Фолби, – его комары покусали. Наглеют год от года. Сейчас как раз население в центре города оружие раскупает – в них стрелять.

– А, хи-хи-хи! – разразился Дик Терье.

– Замолчите все! – Гамильтон подошел вплотную. – Объясните, что вы имеете в виду.

– Во-первых, расстояние – немножко шире положенного. Во-вторых, что важнее, – асимметричное расположение ранок. Видите? Одна на полсантиметра выше другой. Как будто укус наносился слегка сбоку.

– Верно, – заглядывая через плечо, признал сержант.

– Так вот, змея никогда так не кусает. И, наконец, форма ранок: они слегка рваные. А отверстия от укуса гремучки исключительно точные – она бьет, а не впивается, не терзает. Понимаете?

– Черт возьми, похоже, что все именно так, – почти со злобой подтвердил Гамильтон. – Отправляемся в управление. Сержант, сразу же продемонстрируйте нашему консультанту, – он кивнул в сторону змеелова, – все фотографии укусов покойной Джейн, Коули и той собаки в парке – нет ли и там чего-то особенного?

Змеелова посадили в другую машину. Фолби и Дик уже уселись в кабину, но лейтенант, чуть помедлив, постоял у открытой дверцы, глядя на дом. Знакомый ему так же давно, как и его хозяин. И такой же мертвый теперь.

– Мы осмотрели все помещения, – сказал Фолби, когда Гамильтон занял свое обычное место на заднем сиденье. – Змею все-таки могли забросить через фрамугу.

– Ну?

– И она, озверев, кинулась на человека.

– А как потом убралась из дома? – спросил лейтенант и тут же сам ответил: – Преступник вошел через незапертую дверь, поймал ее и скрылся.

– Ну, да. По-моему это не очень плохая рабочая гипотеза.

– Не очень плохая, – уныло согласился Гамильтон.

– Позвольте сказать, господин лейтенант, – повернул свою голову с переднего сиденья Терье, – кто-то ведь недаром сжигал змей и делал непонятные вещи с их черепами. И у нас нет ни одного объяснения на этот счет.

– Умеешь ты вовремя напомнить о приятном, – срывая машину с места, проговорил сержант.

Дежурный сразу же доложил, что в Главном управлении штата ожидают его звонка, и лейтенант набрал номер с не очень приятным чувством. Курировавший его капитан был давним и хорошим знакомым. Фрэнк докладывал ему каждый день о положении в городе, но тот еще не знал последнего события, которое с уже очевидной последовательностью набрасывало на город огромную зловещую тень.

– Могу сообщить еще одну очень паршивую новость, – проговорил Гамильтон, – сегодня ночью погиб главный редактор городской газеты. Змея бросилась ему сзади на шею, когда он сел дома ужинать. Но наш змеелов утверждает, что она не могла так высоко достать, да еще через спинку стула, и укусы не похожи на змеиные, хотя экспертиза обнаружила в крови яд гремучки.

Фолби в это время уже раскладывал на столе перед змееловом фотографии предыдущих жертв.

– Я могу прислать тебе в помощь людей – детективов, экспертов, – предложили из Штата. – Скажи, что тебе нужно.

– Да ничего не нужно! Спасибо. Людей у меня хватает. Дорога между городом и пустыней полностью схвачена, к тому же там патрулирует вертолет. Так что пространство в шести милях вокруг города под полным моим контролем.

– Но змеи-то при этом в городе.

Гамильтон сразу прочувствовал всю глупость своего доклада.

– Ладно, Фрэнк, работай. Позвоню тебе вечером, – смягчая, закончил капитан.

* * *

Сначала змеелов заявил, что просто не понимает, как гремучка могла ударить Коули в горло.

– А если ее в него швырнули? – спросил сержант.

– И тогда бы не смогла. Змея всегда бьет в самую ближнюю выпуклую часть и укус пришелся бы в лицо. Могу предположить только одно – человек сначала упал или был сбит, а потом... – он на секунду замолчал и продолжил, кажется, сам не очень довольный своим объяснением, – ему бросили змею прямо на грудь.

Затем его удивили снимки собаки.

– Надо так понимать, – медленно заговорил он, – что собака напала на змею?

– А что здесь странного? – спросил Фолби.

– Гремучка прекрасно знает подобных зверей – шакалов, волков. Она их не боится и отползает прочь, предупреждая своей погремушкой на хвосте. Те тоже сразу понимают, что в эту сторону им двигаться не нужно. – Он внимательно всмотрелся в фотографию. – Ясно, что собака напала, увидев змею на газоне. А как нападают собаки – известно: выставляя вперед одну или обе передние лапы. Вот в эту самую ближнюю точку змея и стала бы бить. А в действительности укус высокий, около плеча и сбоку. Будто она сделала бросок по боковой дуге.

– А почему бы и нет?

– Не умеет она этого делать. Природой не приспособлена.

– А если собака схватила змею?

– Схватила?! Вы это серьезно? – змеелов воззрился на Фолби как на маленького ребенка, сказавшего невероятную глупость.

– Э... а что такого?

– Ну и ну! Да гремучка – самая быстрая из крупных змей мира! Даже храбрец-мангуст всегда погибает в схватке с ней. А ведь он одолевает кобру. Вы бы, лейтенант, свозили своих охламонов в зоопарк, нельзя так не знать родную природу.

– Может, и правда съездим? – не обидевшись, согласился Фолби. – Разберемся со всей этой ботаникой?

* * *

– Значит так, – начал Гамильтон, когда сотрудники управления собрались в его кабинете, – что касается последней смерти: теперь у нас есть все основания говорить об убийстве. Точнее, о цепочке убийств. В последнем случае змея не могла сама вползти в дом, как и убраться потом оттуда. Складывается, таким образом, примерно следующая картина: и в ресторан к Коули, и в дом к Бартоку – в каждом случае дверь была незаперта – вошел некто. Бесспорно, человек, и тому, и другому знакомый. Пришел не с пустыми руками. Как он управляется с этими тварями, можно только гадать, но, видимо, делает это очень ловко. А первой его жертвой стала маленькая Джейн – убийство без всякого рационального мотива, и это заставляет полагать, что мы имеем дело с весьма необычным маньяком. Гипотеза подтверждается и тем, что он сжигал потом своих змей-убийц. Кстати, и Джейн должна была знать его: родители утверждают, что она никогда не подошла бы вечером к незнакомому человеку. А девочка, ничего не подозревая, даже оставила футляр со скрипкой на дорожке и направилась к убийце, который стоял на газоне у розовых кустов.

– Была еще одна жертва, сэр, – пес в центральном сквере.

– Да, и вероятнее всего, что этот ненормальный просто забавлялся, или тренировался с новой змеей, что для розыска не суть важно. Есть еще одна существенная деталь.

Все внимательно слушали.

– Арестованный нами змеелов категорически настаивает на том, что, в двух во всяком случае, эпизодах укусы очень нетипичны. Это подтверждает гипотезу, что змея нападала из несвойственной ей позиции. Хотя, повторяю, – как именно маньяк ею манипулирует – малопонятно.

– Простите, шеф, но ведь не исключено, что этот змеелов просто морочит нам голову, – сказал кто-то, и Фолби одобрительно кивнул головой.

– Не исключено, – лейтенант пробарабанил пальцами дробь по столу, – не исключено, что змеелов в сговоре с преступником. Хотя не менее вероятно, что тот сам отлавливает змей в пустыне, и я сейчас говорю не о всех возможных вариантах, а о том, что нужно прорабатывать в первую очередь.

– Позволю себе напомнить, господин лейтенант, – осторожно встрял Дик Терье, – он еще вытряхивал мозги перед тем как сжечь змеиные трупы.

– Да, Дик, спасибо. Но, кстати сказать, он мог вытряхивать не только мозги, а и потрошить всю змею перед сожжением. Мы же не можем сейчас этого установить.

– Этот ненормальный, что же, пожирает их потом? – не без ужаса спросил кто-то из полицейских.

– Не знаю и знать не хочу! Патология гораздо разнообразней нормы, и надо не столько возиться с ее изучением, сколько активней уничтожать. Сейчас мы переходим на режим чрезвычайной ситуации. Всем выйти в город. Сами распределите между собой участки. Опрашивать всех, и особенно детей. Носит же он как-то с собой этих тварей. Может быть, шевелящиеся сумки кто-то заметил... Черт его знает! – Лейтенант раздраженно дернул себя за галстук. – Выясняйте все подозрительное. Нет у нас сейчас другого способа.

– Шеф, – поднимаясь вместе со всеми, произнес Терье, – а вот мой друг был в Гонконге в змеином ресторане. Так он говорил: эти китайцы управляются со змеями, как со щенками.

– Как только встретишь в городе какого-нибудь китайца, сразу тащи его сюда, – угрюмо откомментировал лейтенант.

Группа полицейских вывалила в соседнюю комнату, где Фолби тут же дегенеративно ско-сил глаза к переносице и прогундосил Дику:

– А ты знаешь, лучше тащи всех с косыми глазами подряд, а мы отловим гремучку и будем каждому в руки совать...

– Кто с ней управится – тот и преступник, – подхватил кто-то из полицейских под общий гогот компании.

«Дежурный! – раздался голос лейтенанта по селектору. – Немедленно вызовите кого-нибудь с местной радиостанции. Нужно сделать срочное сообщение по городу. Я пока надиктую на кассету. И, во-вторых, пошлите пару человек пошуровать на городской помойке. Подключите добровольцев. Если обнаружится еще один змеиный труп, пусть выясняют – из какого района завезена партия мусора».

Сделав это распоряжение, Гамильтон достал из ящика небольшой магнитофон и начал тщательно выговаривать фразу за фразой:

«Дорогие сограждане, с прискорбием вынужден сообщить, что этой ночью одной змеиной жертвой стало больше. У себя дома погиб главный редактор нашей газеты Эдд Барток. Полиции удалось установить, что это и другие змеиные нападения в городе не являются случайными. Они организованы человеком. И он наш горожанин. Более того – хорошо известный многим. В том числе, трем жертвам. Причина его действий, несомненно, должна быть отнесена к маниакальному психозу. Преступник очень умело манипулирует гремучками и, возможно, может незаметно нести змею с собой. В связи с этим, полиция просит вас неукоснительно придерживаться следующих инструкций».

Лейтенант сделал небольшую паузу.

«Воздержаться от передвижения по городу в вечернее и ночное время. Отменить деловые и дружеские визиты. Даже встречая своих знакомых в малолюдных местах, воздерживаться от общения и взаимно сохранять дистанцию. Обязательно запирать двери своих домов. Полиция со своей стороны сделает все возможное для вашей защиты, но просит повысить индивидуальную бдительность и сохранять спокойствие».

Он прослушал собственную запись и передал кассету дежурному. Не успел тот выйти из комнаты, как зазвонил телефон.

– Здравствуйте, Фрэнк. – Говорил Уолтер. – Мы сейчас провели анализы – Барток погиб от укусов той же змеи, что и собака в парке.

– Вы уверены в этом?

– Да, не приходится сомневаться.

Новость ошеломила! Сколько же в этом городе змей?! Ведь те, чьи полу сожженные тела они еще вчера обнаружили, Эдда убить не могли. Значит, есть как минимум третья гремучка!

Лейтенант встал и несколько раз быстро прошелся по комнате.

Теперь выходит даже, что те, сожженные, возможно вообще не причастны к случившемуся. Конечно, маньяк может жечь и потрошить одних змей, а убивать другими. Но что-то здесь не складывалось, подрывало логику.

А логика у психа-убийцы не просто существует – она по-своему очень строга. Довлеет, подчиняя его себе гораздо сильнее и принудительней, чем логика нормального человека. В этом и состоит неудержимая сила психоза. Больной может действовать с любой изуверской фантазией, но двигаясь рационально – по одной жестко заданной сознанием схеме.

Тут что-то не получалось, не помещалось в рамки. И, значит, надо все с самого начала пересматривать.

Гамильтон подумал, что был слишком поспешен на недавнем совещании. Ведь он упустил из виду еще одну возможность – преступников могло быть двое. Один из них – вероятнее всего змеелов. Другой, тот, кому он поставлял гремучек в город и о ком, разумеется, умалчивает сейчас.

Неожиданно в кабинет почти влетели Фолби и дежурный по управлению. В руках у последнего порхали два открытых конверта.

– Вот! – Дежурный положил их перед Гамильтоном. – Один нам принесли из парка – он лежал на скамеечке. Другой нашли в каком-то из магазинов. Мы вскрыли, там...

– Шантаж?

– Так точно.

На каждом пакете неровными печатными буквами значилось: «Передать в полицию».

Внутри – листок бумаги, где неизвестный автор предлагал сегодня ночью оставить у рекламного щита «Пепси» на шоссе у въезда с автострады в город 500 тысяч долларов. Иначе, заявлялось в письме, нападения змей не прекратятся.

Все это писано от руки печатными буквами, но... Гамильтон вдруг почувствовал разницу в написании букв. Именно – сначала почувствовал и лишь потом, всматриваясь, стал убеждаться в правильности впечатления.

Вот буква Н в одном письме везде вертикальная и ровная, в другом – с явным наклоном и ее левый бок заметно выше правого. У буквы S отличаются фигурки – вытянутые в одном и более округлые в другом письме.

– А вы не заметили ничего странного в этих письмах?

– Заметили, – Фолби передернул плечами, – сумма маленькая. При таких преступлениях могли бы затребовать побольше.

– Верно, Майкл, – согласился Гамильтон, – сумма для такого дела маловата. Может быть потому, что и расходов не было больших, но главное не в том. Письма писали два разных человека. Смотрите...

Он развернул оба листка в их сторону и, указывая карандашом в строки, поделился наблюдениями.

– Черт возьми, действительно, – резюмировал Фолби, – а я даже не обратил внимания. Значит, участвуют как минимум двое. Ну что, берем их сегодня ночью?

– Если они явятся туда, – высказал свое мнение дежурный полицейский. – Вполне возможно, что это лишь попытка нас проверить и завтра мы получим новое письмо.

В ответ сержант глубоко вздохнул и пару раз кивнул головой:

– Да, вариант весьма реальный.

– Не нравится мне это все! – Гамильтон забросил руки на затылок и откинулся на спинку кресла.

– Что именно?

– Да все не нравится. Шантаж посредством таких убийств? Это же пожизненное заключение. И на него идут ради полумиллиона долларов? У Коули в сейфе лежали тридцать две тысячи, но преступники даже не попробовали до них добраться. У Бартока в доме не было и следа грабежа.

– Да, – подтвердил сержант, – в ящике рабочего стола валялись три сотни – остались целы.

– И змей слишком много в этой истории – сожженных и еще живых. Ну ладно, – лейтенант быстро встал из кресла, – готовимся к захвату. Пошли, поработаем у карты.

Все трое направились в соседнюю комнату, где над столом дежурного размещалась огромная карта города и предместий.

* * *

Кэрри до сих пор не могла понять того, что случилось в ее жизни. Она оказалась вдруг в совсем ином мире – причудливом и большом. А главное – она сама стала совсем другой.

Раньше ее миром была поверхность земли. Стоило ей найти норку какого-нибудь грызуна, и она могла сделать ее своим домом хоть на день, хоть на всю зиму. И горе тому, кто не уносил вовремя оттуда ноги!

А все, что было сверху, было чужим, требовало внимания и осторожности. И когда что-то происходило там, над землей, она резко поднимала голову, сплетая сильные упругие кольца, и мелкой дробью подергивала кончиком хвоста. Она не слышала исходящего от этого звука, но знала, что предупреждает этим о себе, о своих гнутых, глубоко запрятанных зубах, о том, как ударив ими, она выплеснет накопившийся яд. И всегда чувствовала его в полостях под зубами. Чувствовала, когда он туго наливал их и приятно давил на стенки. Это было ощущение силы. Если яда не хватало, Кэрри беспокоилась, старалась почаще отлавливать и заглатывать всякую живность. Искала в зарослях какие-то травки и, отрывая их не зубами, а безгубой пастью, заглатывала. Это надо было обязательно делать, чтобы снова вернуть ощущение силы, уверенности в себе.

«Кэрри» – это первый звук, который она услышала, – и одновременно увидела человека, смотревшего на нее через тонкую мелкую решетку.

«Кэрри» – она почему-то сразу поняла, что это относится к ней, что это она – Кэрри.

Кэрри приподнялась, но вышло совсем не то, чего она хотела. Она прекрасно чувствовала свое тело, каждую клеточку, но тело было совсем другое.

Вместо привычных давящих друг на друга кольцами мышц у нее были четыре сильных лапы, и Кэрри почувствовала, что может легко передвигаться с их помощью по небольшому закрытому вольеру. Ей вдруг захотелось прыгнуть с одного его конца на другой и она тут же это сделала. Лапы и спина оказались такими сильными, что она полетела стремительней и выше, чем думала, но вместо того, чтобы врезаться в металлическую сетку, мягко извернулась и, оттолкнувшись от нее лапами, оказалась на середине вольера. Ей очень понравилось ощущение новой силы и она еще несколько раз проделала эти прыжки.

«Кэрри», – ласково произнес человек за сеткой, и в ее маленьких мозгах появилась непонятно откуда взявшаяся мысль. Нет не мысль, а убеждение – это друг!

Только теперь она заметила, что покрыта мягкой серой с черными полосами шерстью и у нее совсем новый хвост – без костяных колец на конце, которыми она предупреждала о себе врагов. На миг волнение охватило ее, но почти так же быстро прошло: она почувствовала, что ее главная сила – длинные зубы и приятно давящее ядом пространство под ними – при ней.

Человек приоткрыл дверцу вольера и поставил внутрь миску. Кэрри сразу поняла, что это еда и еда оказалась вкусной.

Человек снова открыл дверку и позвал ее по имени.

Кэрри осторожно вышла и сделала несколько шагов к своему новому другу.

– Пойди, погуляй, – сказал он и открыл дверь из дома.

Она подошла, постояла несколько секунд на пороге, потом легко прыгнула, ощутив под ногами чуть влажную землю, и не спеша побежала по травянистому газону.

Кэрри не умела удивляться, точнее, знала это чувство чуть-чуть, но все-таки маленькое очарование происходящего с ней все время присутствовало.

Она почему-то много знала.

Знала, что другие люди ничем ей не страшны и не опасны, что твердые дороги нельзя перебегать, если поблизости движется большое непонятное устройство. Не спеша двигаясь прочь от дома, она все время знала, где он. И что там будет пища, которую ей не надо больше искать.

Гуляла она спокойно и долго.

Если бы можно было выразить словами ее теперешнее настроение – ей решительно нравилась новая жизнь.

Не за кем было охотиться и не от кого защищаться, и если бы тот маленький человек вдруг не стал приставать к ней вечером, она ни за что бы его не тронула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.